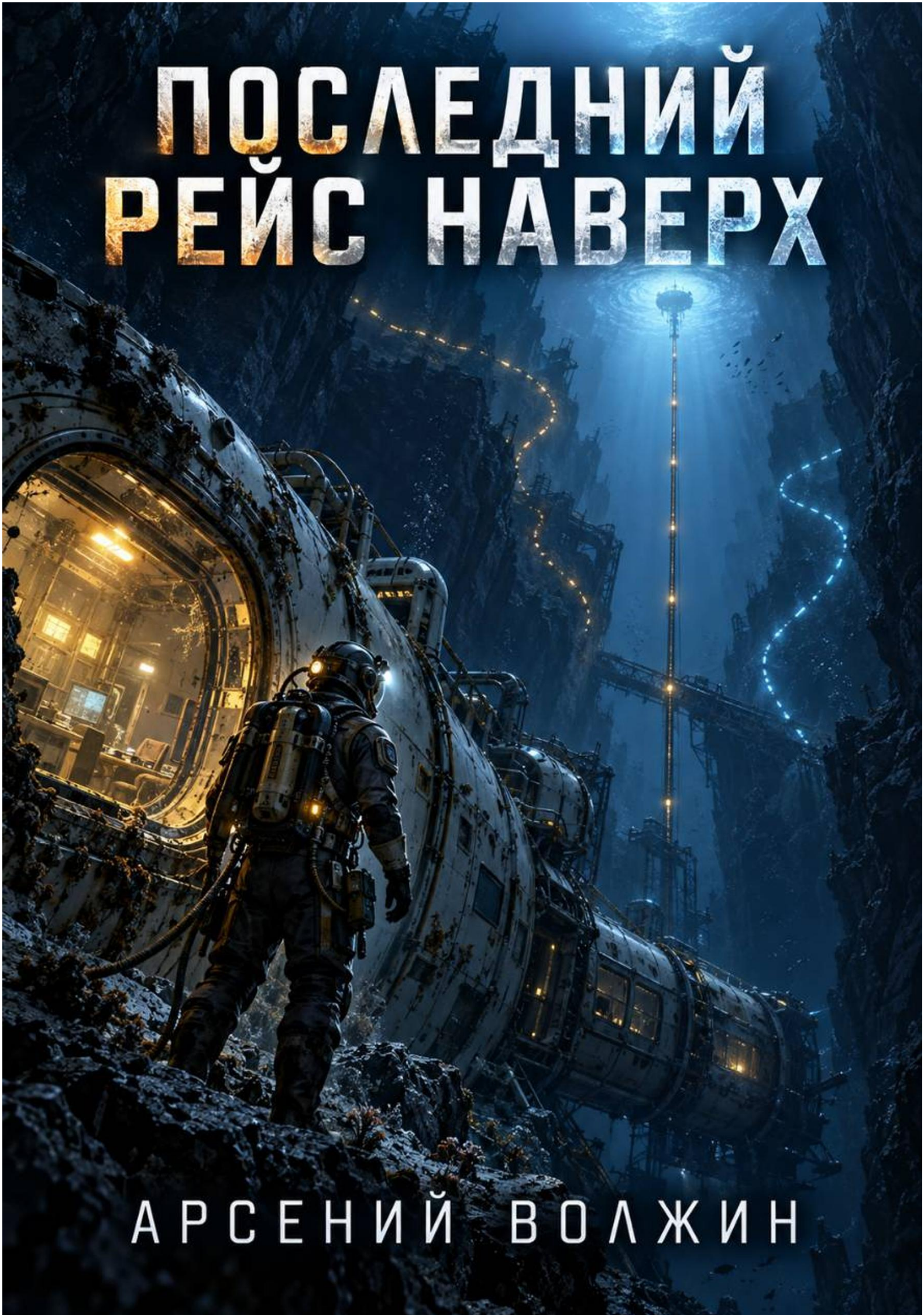
ПОСЛЕДНИЙ
РЕЙС НАВЕРХ
АРСЕНИЙ ВОЛЖИН

Арсений Волжин

Последний рейс наверх

«Автор»
2026

Волжин А.

Последний рейс наверх / А. Волжин — «Автор», 2026

Археолог заброшенных станций Лев Арс спускается на базу «Кромка», зажатую в океанском разломе. Он ищет журнал и останки погибшей напарницы, но находит след маршрута, которым никто не прошёл.
Такие отвергнутые пути питают подъёмную машину: дают людям дорогу наверх и одновременно стирают причину, по которой экипаж отказался рисковать.Когда склон приходит в движение, честный до жестокости инспектор Инга Рей требует потратить последнюю карту ради спасения. Льву предстоит выбрать между людьми, доказательством старой катастрофы и собственным обратным рейсом — а затем придумать порядок, при котором следующий подъём не потребует забыть опасную дорогу.

© Волжин А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От автора 5
Глава 1. Станция под станцией 6
Глава 2. Окно наверх 14
Глава 3. Честная инспекция 21
Глава 4. Маршрут, которого не было 29
Глава 5. Два пути одной капсулы 36
Глава 6. Журнал Веры 43
Глава 7. Цена балласта 51
Конец ознакомительного фрагмента. 58

Арсений Волжин
Последний рейс наверх

От автора

Глубина не прощает неточных чисел. Давление не интересуется добрыми намерениями, трос не становится прочнее от красивой речи, а подъёмная капсула не принимает лишнего пассажира только потому, что его история кажется важнее.

Но точность сама по себе ещё не отвечает на вопрос, что допустимо потратить ради спасения. Иногда машина расходует металл. Иногда — топливо. А иногда удобная техническая операция уничтожает свидетельство того, почему люди когда-то отказались идти опасной дорогой.

Эта история — о станции на океанском дне, где честность может быть жестокой, а сохранённое доказательство тяжелее человека. Героям придётся выбирать не между правдой и ложью, а между двумя настоящими обязанностями. Ни одна из них не исчезнет только потому, что решение уже принято.

Глава 1. Станция под станцией

Лев заметил второе дно по тому, как на него легла пыль.

Под левым ботинком склон уходил вниз ровно, будто его провели длинной линейкой. Ил, который здесь должен был собираться мягкими волнами, лежал плоской серой плитой. Из неё торчали три чёрных ребра, одинаково наклонённые к разлому. Камень так не ломался. Камень не помнил заводского шага между балками.

Лев остановился и прижал ладонь к скале. Перчатка передала слабую дрожь насосов «Кромки». Станция была над ним, за тридцать метров породы и старого осыпного щебня. Если поднять голову, всё равно ничего нельзя было увидеть: только конус света на взвеси и тёмная вода дальше. Но вибрация шла через уступ, и по ней Лев всегда знал, что дом ещё держит давление.

— Мара, я у нижней отметки, — сказал он.

Ответ пришёл с шорохом, словно пилот стояла не в рубке, а говорила через дождь.

— Вижу маяк. Ты на четыре метра ниже разрешённой полки.

— Разрешённая полка оказалась крышей.

Молчание длилось два удара сердца.

— Повтори.

— Под осыпью что-то есть. Три силовых ребра. Шаг восемьдесят сантиметров, старый стандарт.

Лев провёл лучом вдоль склона. Серые частицы вспыхивали и гасли. За крайним ребром темнела вмятина, похожая на след огромного пальца. Он достал из набедренного кармана короткий щуп, вогнал в ил и почувствовал под мягким слоем металл. Щуп прошёл по нему с негромким скрежетом.

— Не трогай, — сказала Мара.

— Уже тронул.

— Тогда не трогай второй раз. До тебя там никто не был сорок два года.

Лев посмотрел на борозду, которую оставил щуп. На чистом металле блеснула светлая полоса. Рядом, почти параллельно ей, уже была другая.

Он замер.

Старая поверхность под водой темнела равномерно. Всё, что касалось её недавно, снимало тонкую плёнку отложений. Светлая черта слева была шире его щупа и заканчивалась полукругом. Не царапина от камня. След захвата.

— Поправка, — сказал Лев. — Здесь были после аварии.

— Когда?

— Не знаю. Но не сорок два года назад.

Он опустился на колено. Костюм сжал суставы, помогая удержаться на склоне. За спиной натянулся страховочный трос, уходивший к малой лебёдке у шлюза. Лев отключил автоматическую выборку, чтобы машина не потащила его назад при каждом движении. Красный значок вспыхнул на краю стекла шлема.

— Ты снял возврат, — сказала Мара.

— На две минуты.

— На одну. Течение поворачивает.

Она не спрашивала, зачем. За девять сезонов совместной работы Мара усвоила: если Лев лёг животом в грязь, спорить с ним поздно. Зато она всегда называла время точнее, чем ему хотелось.

Лев расчистил ладонью узкую полоску между рёбрами. Ил поднялся густым облаком. Он подождал, пока поток унесёт серую муть к разлому, и увидел ряд заклёпок. Не сварка. Зна-

чит, модуль построили ещё до «Кромки», когда глубоководные оболочки собирали из сменных секций и стягивали на месте. Первая экспедиция жила в таких цилиндрах. По отчёту после обвала их лагерь ушёл в разлом целиком.

По отчёту.

Лев вынул мягкую кисть и очистил заклёпки. Между второй и третьей была выбита метка: короткая вертикальная риска, под ней две точки. Знак бригады Веры. Она ставила его на всём, что принимала после ремонта, хотя начальство считало личные метки детской привычкой.

Он не сразу понял, что перестал дышать.

Воздух в шлеме стал тёплым. Автоматика пискнула, напоминая вдохнуть. Лев втянул его медленно, чтобы не задеть микрофон тяжёлым всхлипом.

— Нашёл обозначение, — сказал он.

— Чьё?

— Веры.

На этот раз Мара молчала дольше.

Вера Кост прожила тридцать три года, из них семь провела на донных работах и последние четыре месяца — в первой экспедиции под будущей «Кромкой». Она умела засыпать во время проверки сирены, различала марки герметика по запаху и однажды заставила Льва разобрать уже закрытую стену, потому что услышала под панелью свободную гайку. Когда склон сошёл, наверх передали двенадцать секунд шума. Ни тел, ни журнала, ни самого лагеря не нашли.

Семье выдали пустую урну, потому что так было легче оформить похороны.

Лев обещал её старшей сестре не могилу. Он обещал факт. Хоть один предмет, который можно положить на стол и сказать: это было здесь, это принадлежало ей, вот что с ней произошло.

— Сфотографируй и возвращайся, — тихо сказала Мара.

— След захвата проходит поверх метки.

— Лев.

— Кто-то чистил этот участок. Недавно.

— Насколько недавно?

Он приблизил лампу к металлу. По краям светлой полосы уже собирался тонкий бурый налёт. Здесь, в холодной бедной воде, он рос медленно. Неделя была бы слишком малым сроком, пять лет — слишком большим. Лев провёл по следу датчиком, но тот показал только состав поверхности и температуру.

— От нескольких месяцев до двух лет. Без пробы точнее не скажу.

— Тогда тем более возвращайся. Пробу возьмёшь с разрешением.

— Разрешение подпишет инспектор.

— Да.

— Та самая, которая прилетела закрыть нижний сектор.

— Та самая, которая сейчас слушает общий канал.

Лев медленно выпрямился.

В рубке кто-то переключил линию. Шорох исчез, голос Мары стал чище, а затем в наушниках прозвучал второй голос — спокойный, низкий, без злости.

— Инспектор Рей, — сказала женщина. — Нижний сектор ещё не закрыт. Решение будет после осмотра в десять ноль-ноль.

— Добро пожаловать на «Кромку», — ответил Лев.

— Благодарю. Вы находитесь на четыре целых две десятых метра ниже границы наряда и отключили автоматическую выборку страховочного троса сорок семь секунд назад.

Лев посмотрел на красный значок. Прошла почти минута.

— Хорошо считаете.

— Это показания вашей системы. Включите выборку.

— Сначала закреплю маяк.

— Нет. Сначала включите выборку. Потом закрепите маяк, если трос позволяет сделать это, не спускаясь ниже.

В голосе не было ни угрозы, ни желания показать власть. От этого приказ раздражал сильнее. Лев включил автомат. Трос сразу подтянулся, приподнял его за пояс и заставил переставить ногу выше.

— Вы довольны?

— Я буду располагать точными сведениями о вашем положении, — сказала Инга Рей. — Это не то же самое.

Лев достал маяк. Маленький цилиндр прилип к ребру магнитной подошвой и мигнул янтарным. На карте шлема появилась новая точка. Он обозначил её «нижний модуль», затем стёр и написал «модуль первой экспедиции». Если находку занесут в журнал, осторожное имя быстро превратится в удобное сомнение. Он не собирался дарить станции это время.

— Метка поставлена, — сказал он.

— Подтверждаю, — ответила Мара. — Теперь вверх. Течение уже разворачивает.

Вода ударила прежде, чем она договорила.

Лев почувствовал не толчок, а внезапное исчезновение веса под правой ногой. Ил сдвинулся целым пластом. Серый ковёр поплыл вниз, открывая ещё два метра корпуса. Вместе с ним к краю разлома поехал Лев. Трос натянулся, костюм сжал грудь. Он успел вбить левую перчатку между рёбрами и увидел, как щуп выскользнул из открытого кармана.

Тонкий инструмент кувыркнулся в свете лампы, коснулся корпуса и пропал в черноте.

— Выбираю! — крикнула Мара.

Лебёдка рванула его вверх. Лев удержался за ребро. Под ладонью что-то дрогнуло и отстало от металла. Он увидел тонкую пластину размером с ноготь, прикреплённую к тыльной стороне балки. Не часть старой станции: гладкая, светлая, с двумя свежими контактами.

Он зажал пластину пальцами.

— Отпусти корпус! — сказала Мара.

— Секунду.

— Сейчас!

Новый поток ударил сбоку. Маяк сорвало. Янтарная точка метнулась вниз и погасла. Лев отпустил ребро, и трос протащил его по склону. Камни застучали по щиткам. На мгновение он повис над открывшейся частью модуля и направил туда свет.

Внизу было круглое окно шлюза. Его внешняя крышка стояла приоткрытой.

Старый лагерь не погиб с закрытыми дверями. Кто-то открыл его уже после обвала — или пытался выбраться, когда сверху лежали тысячи тонн осыпи.

Потом склон заслонил находку, и Льва потащило к «Кромке».

— Я цел, — сказал он, хотя никто не спрашивал.

— У тебя правый наплечник показывает удар, — ответила Мара. Голос её стал резким. — Герметичность?

Лев посмотрел на числа. Давление внутри держалось. Расход воздуха вырос, но не опасно.

— Зелёная.

— Внешний слой?

— Царапина.

— Это я решу в шлюзе.

Инга Рей всё ещё была на линии. Она не вмешивалась в проверку и не торопила. Когда Мара закончила перечислять показатели, инспектор сказала:

— Вы что-то сняли с корпуса.

Лев сжал кулак. Пластина упиралась краем в перчатку.

— Да.

— Что именно?

— Не знаю.

— Положите в наружный контейнер костюма. Не заносите в жилой объём до осмотра.

— Это не биологическая проба.

— Вы не знаете, что это.

Она была права, и Леву не нравилось, что это можно доказать одной фразой. Он открыл круглый контейнер на груди, положил пластину внутрь и закрыл крышку. Контрольная полоска стала синей.

— Выполнено, — сказал он.

— Благодарю.

— Всегда разговариваете так, будто составляете акт?

— Нет. В актах я не благодарю за соблюдение обязательных мер.

Мара коротко фыркнула и тут же сделала вид, что связь хрипнула. Лев позволил тросу тянуть себя по склону. Над ним проступили опоры «Кромки» — четыре массивные ноги, вцепившиеся в уступ. Между ними висели грузовые сети, пустые контейнеры и балластные плиты. Станция казалась перевёрнутым портом, к которому корабли приходили сверху.

У нижнего шлюза горели две белые полосы. Мара включила направляющие огни, хотя Лев знал путь. Он всё равно был благодарен. После черноты разлома любой прямоугольник света казался обещанием, которое металл ещё способен выполнить.

Шлюз принял его вместе с потоком серой воды. Внешняя дверь закрылась. Насосы загудели под ногами, уровень начал падать. Лев стоял неподвижно, пока вода не ушла ниже колен, и только тогда заметил, как дрожит правая рука.

Он разжал пальцы. В ладони ничего не было, пластина лежала в контейнере, но тело всё ещё помнило её острый край.

На внутренней стене шлюза кто-то много лет назад написал краской: «Если вернулся — не спеши». Буквы перекрашивали вместе со стеной, и теперь надпись проступала как старый шрам. Лев обычно считал её глупостью. В этот раз послушался.

Он восстановил увиденное по порядку. Три ребра. Метка Веры. Свежий захват. Сдвиг ила. Открытая крышка шлюза. Пластина на тыльной стороне балки.

Лишним было именно последнее. Археологи крепили маяки снаружи, чтобы их находили аппараты. Спрятанное устройство предназначалось не для навигации. Оно либо слушало металл, либо передавало через него слабый сигнал. И установить его можно было только после того, как кто-то расчистил корпус.

Внутренняя дверь открылась. Мара ждала в рабочем комбинезоне, с рыжим платком на коротких волосах. За её плечом стояла высокая женщина в тёмно-сером инспекторском костюме. Никаких блестящих знаков, только белая полоса на воротнике и планшет в руке.

Мара шагнула первой, проверила замки шлема и провела ладонью по правому наплечнику.

— Царапина, — сказал Лев.

— Вмятина.

— Неглубокая.

— Она либо есть, либо нет. Неглубокой бывает лужа.

— Вы с инспектором уже нашли общий язык.

Женщина за её спиной не улыбнулась.

— Инга Рей. До снятия костюма контейнер остаётся закрытым.

— Лев Арс. До снятия костюма я всё равно не смогу его открыть.

— Сможете. Аварийный замок рассчитан на перчатку.

Она подошла ближе и показала на маленький красный рычаг под крышкой. Лев знал, для чего он, но промолчал. Инга не старалась поймать его на лжи. Она просто убирала неточность, как Мара убирала слабину троса.

Вместе они прошли в сухую камеру. Мара закрепила костюм на стойке, сняла с Льва шлем и сразу поднесла к его лицу лампу.

— Зрачки ровные. Тошнота?

— Нет.

— Голова?

— Целая.

— Это не ответ.

— Не болит.

Она осмотрела шею и плечи. Инга стояла у стены и не мешала. Вблизи она выглядела старше, чем на служебной фотографии: тонкие складки у рта, седая прядь над левым виском, бледный след ожога на кисти. Человек, который не раз смотрел на неисправность с слишком близкого расстояния.

— Ушиб, — решила Мара. — В лазарет после разбора.

— После анализа находки.

— После лазарета.

— Анализ можно провести в лазарете.

— Если ты принесёшь туда донную грязь, врач проведёт анализ твоего тела после того, как я тебя им ударю.

Инга перевела взгляд с одного на другую.

— Сначала изоляционный стол, затем лазарет. Я буду присутствовать при вскрытии контейнера.

— Почему? — спросил Лев.

— Потому что вы извлекли предмет из сектора, который я прибыла проверять. И потому что ваше описание свежего следа меняет исходные сведения.

— В какую сторону?

— Пока ни в какую. Сведения либо есть, либо их нет. Вывод будет позже.

Они сняли костюм и перенесли наружный контейнер в маленькую мастерскую рядом со шлюзом. Здесь ремонтировали датчики, которые не пускали в чистые отсеки. Стены были в царапинах, на столе под прозрачным колпаком лежали инструменты, а вытяжка гудела так громко, что приходилось говорить отчётливо.

Мара осталась у двери, скрестив руки. Лев надел тонкие перчатки. Инга включила запись на планшете и назвала время, место и присутствующих.

— Открывайте, — сказала она.

Лев снял пломбу и положил пластину на белый лоток.

Без донной мути предмет выглядел проще. Прямоугольник длиной в два пальца, серый корпус, два контактных зубца и круглое тёмное окошко. На краю — след от инструмента Льва. На обороте сохранилась крупинка старого герметика.

Мара наклонилась.

— Передатчик?

— Слишком маленькая антенна, — сказал Лев.

— В воде корпус мог быть антенной, — возразила Инга.

Лев посмотрел на неё впервые с интересом.

— Вы работали внизу?

— Девять лет. Потом научилась не считать личный опыт достаточным основанием.

Она не сказала где. Лев не спросил. Он взял увеличитель и осмотрел контакты. На одном был свежий светлый скол. Второй покрывала тёмная плёнка. Значит, устройство прижималось к металлу неравномерно или его недавно сдвигали.

— Питание от вибрации корпуса, — предположил он. — Один контакт снимал дрожь, второй передавал данные.

— Какие данные?

— Состояние модуля. Удары, движение, работу механизмов.

Мара медленно опустила руки.

— Механизмов? Там ничего не должно работать.

— Я говорю, для чего это могло быть сделано. Не что оно нашло.

Инга приблизила планшет к пластине. Камера дала резкое увеличение. Под налётом на боковой грани показалась строка цифр.

— Серийный номер, — сказала она.

Лев протёр край тампоном. Цифры стали яснее. Первые две обозначали год выпуска.

Не сорок два года назад. Шесть лет.

Мара прочитала их вслух и выругалась.

— Кто имел доступ к нижней полке шесть лет назад? — спросила Инга.

— Никто официально, — ответил Лев.

— Я спросила не про официальный доступ.

— Тогда список начинается со всех пилотов, водолазов и ремонтников «Кромки». И заканчивается теми, кто мог спуститься с отдельного судна без захода на станцию.

— Отдельное судно осталось бы в журналах поверхности.

— Если журнал вёл тот, кто хотел его оставить.

Инга подняла глаза.

— Вы быстро переходите от предмета к обвинению.

— Я перехожу к возможности.

— Нет. Возможность — что устройство изготовлено шесть лет назад. Обвинение — что журналы могли скрыть намеренно. Не смешивайте.

Лев почувствовал знакомое желание спорить до тех пор, пока собеседник не устанет. Обычно оно помогало находить слабые места в отчётах. С Ингой Рей оно могло погубить остаток дня.

— Хорошо, — сказал он. — Устройство не старше шести лет. Его нашли на модуле, который считается потерянным сорок два года. Крепление было скрыто. Рядом есть след захвата примерно того же возраста или моложе. Это факты.

— Да.

— Крышка внешнего шлюза модуля приоткрыта.

— Вы видели её меньше двух секунд во время неконтролируемого перемещения.

— Я умею узнавать шлюз.

— Я верю в ваш навык. Но запись с шлема всё равно проверим.

Мара подошла к настенному экрану и вызвала видео. Первые секунды показывали серый склон, затем изображение дёрнулось. Луч Льва прошёл по круглой раме. Они остановили кадр.

Крышка действительно стояла под углом. Между нею и рамой чернела щель.

На внутренней стороне крышки виднелась белая полоса.

Лев увеличил изображение. Полоса распалась на четыре коротких прямоугольника.

— Метки положения, — сказала Мара. — Их наносили, чтобы аппарат видел, закрыта дверь или нет.

— На старых шлюзах было три, — возразил Лев.

Инга пролистала справочник на планшете.

— До модернизации — три. Четвёртую начали добавлять двадцать лет назад.

Никто не говорил несколько секунд.

Если белая полоса была настоящей, кто-то не просто нашёл погребённую станцию. Кто-то открыл её, обновил разметку и оставил датчик. Потом снова закрыл находку илом — или позволил течению сделать это.

— Теперь у нас есть направление вывода? — спросил Лев.

— Теперь у нас есть основание закрыть нижний сектор немедленно, — сказала Инга.

— Именно этого вы и хотели до спуска.

— До спуска я собиралась решить вопрос в десять ноль-ноль. Сейчас решение принято в восемь сорок три на основании новых данных.

— Закроете доступ — тот, кто поставил датчик, успеет убрать остальное.

— Нижний сектор будет закрыт для всех, включая человека, которого вы предполагаете.

— Если он подчиняется вашим замкам.

— Замки заменят. Посты поставят у обоих шлюзов. Наружные аппараты переведут в общий ангар.

Лев упёрся ладонями в стол.

— Мне нужно вернуться до следующего сдвига ила. Окно может закрыться на месяцы.

— Нет.

— Там журнал Веры.

— Вы нашли метку Веры. Не журнал.

— Её модуль.

— Возможно.

— Вы каждое слово будете уменьшать до того размера, который удобно запереть?

Инга выключила запись. Только после этого ответила:

— Я уменьшаю утверждение до размера доказательства. Иначе завтра на основании вашей уверенности вниз полезет второй человек, склон сойдёт, и у станции будет ещё одно тело без журнала.

Мара отвернулась к экрану, но Лев увидел, как напряглась её спина. Инга ударила точно, сама того не зная. Или уже прочитала его дело и знала всё.

— Я спускаюсь один, — сказал Лев.

— Вас вытягивает пилот, обслуживает мастер, страхует лебёдка и принимает шлюз. Один вы только принимаете риск за других.

Лев хотел ответить, но в мастерской изменился гул.

Вытяжка продолжала работать. Насосы шлюза тоже. Новый звук шёл через стол — частая слабая дрожь, будто внутри стены проснулся маленький мотор.

Пластина на лотке мигнула.

Тёмное круглое окошко налилось тусклым зелёным светом и погасло. Затем снова вспыхнуло.

Мара первой отключила настольную лампу. В полумраке стало видно ритм: два коротких сигнала, пауза, один длинный.

— Она без питания, — прошептала Мара.

Лев поднёс датчик поля. Стрелка качнулась на каждом ударе насосов станции.

— Питание от вибрации, — сказал он. — Я угадал.

— Что она передаёт? — спросила Инга.

— Может, ничего. Может, накопленное сообщение.

Он поставил рядом приёмную рамку. Пластина мигнула ещё три раза. На экране появилась неровная линия, потом четыре группы чисел.

Первая была временем. Вторая — давлением. Третья походила на глубину. Четвёртая повторялась без изменений.

Лев смотрел на последнее число, пока смысл не стал очевиден.

— Это номер пары маршрутов, — сказал он.

Мара покачала головой.

— «След» появился на «Кромке» двенадцать лет назад. Этот модуль старше на тридцать.

— Датчик поставили шесть лет назад, — напомнила Инга.

— Зачем слушать мёртвую станцию и привязывать её к подъёмному маршруту?

Никто не ответил.

За стеной включилась большая лебёдка. Пол задрожал сильнее, и пластина выдала ещё один длинный пакет. На экране возникло новое время — текущее, с отставанием на три секунды. Давление совпадало с наружным. Глубина тоже.

Значит, устройство не просто хранило старую запись. Оно работало сейчас.

Инга снова включила запись.

— Восемь сорок семь. Обнаруженный датчик активен и связан с номером маршрутной пары подъёмной машины. Нижний сектор закрывается. Доступ к машине «След» ограничивается до выяснения связи.

В коридоре за дверью загорелся красный свет. Станционный голос, усталый и женский, объявил приостановку наружных работ.

Лев смотрел на мигающую пластину. Под их ногами, под жилыми отсеками, балластными баками и машиной, которая должна была поднять людей наверх, лежала другая станция. Её считали мёртвой сорок два года. Но кто-то спускался к ней шесть лет назад, открыл шлюз и заставил старый корпус слушать каждый запуск «Следа».

— Я хочу копию всех четырёх чисел, — сказал он.

— Получите, — ответила Инга.

— И запись с моего шлема.

— Получите.

— И доступ к журналу машины.

— Нет.

— Тогда ваша честность кончается у двери машинного отсека.

Инга посмотрела на него без раздражения.

— Моя честность не обязывает меня давать вам доступ. Она обязывает прямо сказать, что я его запретила и почему. Вы нашли связь, происхождение которой неизвестно. Пока мы не поймём, кто установил датчик и может ли он влиять на машину, никто не запустит «След» и никто не спустится к модулю.

Мара медленно сняла платок и сжала его в руке.

— Если вы остановите «След», — сказала она, — у нас останется обычный подъём на балласте.

— Я знаю.

— Один.

— Я знаю и это.

Лев услышал, как за стеной меняют режим насосы. Где-то наверху люди уже читали приказ и считали места в капсуле. До этой минуты находка под станцией принадлежала прошлому: Вере, первой экспедиции, пустой урне. Теперь она вошла в настоящее и сразу отняла у «Кромки» все пути, кроме одного.

Пластина мигнула ещё раз.

Два коротких сигнала. Один длинный.

Словно погребённый модуль не просил открыть его.

Он просто сообщал, что слышит их.

Глава 2. Окно наверх

Мара привела Льва в капсулу не для того, чтобы показать кресла.

Кресла он знал: восемь узких ложементов вдоль круглой стены, ремни на груди, мешки для воды под сиденьями. На «Кромку» он спускался в такой же железной косточке, слушая шесть часов, как за оболочкой потрескивает холодный металл. Сейчас Мара сняла настил между креслами и посветила вниз.

Под полом лежали двенадцать серых плит. Каждая была толщиной с ладонь, с ручками по краям и красной полосой посередине.

— Балласт, — сказал Лев.

— Последний комплект, который можно сбросить целиком. Не «ещё один рейс». Вот он, один рейс, у тебя под ногами.

Она шагнула в яму и ударила ключом по первой плите. Звук был короткий, плотный.

— Восемь пассажиров, пилот и сто восемьдесят килограммов груза. Если течение останется в расчётном коридоре. Если оболочка не наберёт воду. Если верхний трос примет нас на двух тысячах метров.

— А если снять груз?

— Получим запас на течение, не девятое место. Люди дышат, двигаются и требуют аварийный воздух. Журнал можно положить под кресло. Модуль — нет.

Лев присел у края проёма. После лазарета плечо налилось тупой болью. Врач заклеил ушиб охлаждающей полосой и велел не надевать костюм сутки. Инга Рей тем временем опечатала оба шлюза и машинный отсек. По станции уже ходили слухи, что инспектор нашла диверсию, живых людей под дном и тайный склад топлива. Правду — маленький датчик с номером маршрутной пары — никто не считал достаточно интересной.

— Почему плиты нельзя вернуть? — спросил Лев.

Мара посмотрела на него так, будто он решил пошутить в чужой манере.

— Можно. Спустись вслед за ними на семь километров, найди в осыпи и подними руками.

— Я про новый комплект.

— Его должен привезти верхний рейс. Чтобы пришёл верхний рейс, ему нужен безопасный коридор. Чтобы открыть коридор, нам надо поднять данные о нижнем течении. А датчики нижнего течения сидят за закрытым сектором. Нравится круг?

Она выбралась из ямы и разложила на кресле три прозрачных листа. На первом была вертикальная линия разлома, на втором — стрелы течений, на третьем — часы.

— Через двадцать девять часов верхний слой разворачивается на восток. Нижний пойдёт на запад чуть раньше или чуть позже. Между ними капсулу закрутит. «След» обычно даёт нам толчок через мёртвую зону. Без него мы можем пройти только до разворота.

— Насколько точны двадцать девять часов?

— Плюс-минус три. Поэтому безопасное окно закрываем через двадцать четыре.

— Инга знает?

— Она читает те же числа.

— И всё равно запретила «След».

— Ты видел датчик. Если кто-то привязал погребённый модуль к маршрутной паре, запускать машину до проверки нельзя.

Лев поднял на неё глаза.

— Ты на её стороне?

— Я на стороне капсулы, которая не рвётся пополам.

Мара собрала листы, выровняла края и сунула их ему в руки.

— Ты опять выбираешь удобного противника. Инга не украла у нас второй рейс. Второго рейса не было. Был один обычный и сколько угодно толчков «Следа», пока мы не знали, к чему они подключены.

Снаружи кто-то постучал в корпус. В люк заглянул Ото Нер. Его седая борода была перехвачена резинкой, на комбинезоне белела балластная пыль.

— Если вы закончили делить несуществующие рейсы, мне нужна пилот.

— Зачем?

— Проверить замки сброса. Инспектор приказала готовить обычный подъём.

Мара спрыгнула на настил.

— Когда?

— Решение в шестнадцать ноль-ноль. Старт может быть через четыре часа.

— Список пассажиров?

— Ещё нет.

Ото посмотрел на Льва, затем на открытый пол.

— Археолог, выберись. Плиты не любят, когда над ними думают.

Лев поднялся. Ото опустился в яму и провёл пальцем по красной полосе первой плиты. Под ногтем остался серый порошок.

— Намокла? — спросила Мара.

— Только пыль. Но третий замок ленится.

— Вчера был зелёный.

— Вчера его не просили держать жизнь восьми людей.

Ото снял кожух. Под ним блеснула пружина толщиной с палец. Он работал медленно, не потому что старел, а потому что никогда не давал инструменту опередить взгляд.

— Что случится, если третий не отпустит? — спросил Лев.

— Капсула накренится, — ответил Ото. — Мара попробует вытрясти плиту. Если не выйдет, вернётся сюда.

— А если уже прошла мёртвую зону?

— Тогда не вернётся.

Мара ударила ладонью по стене.

— Очень помогает.

— Он спросил.

На «Кромке» не любили слово «смерть», но не боялись описывать её механику. Лев подумал, что Инга здесь приживётся лучше, чем кажется.

Ото вынул пружину, очистил паз и кивнул на листы в руке Льва.

— Покажи окно.

Лев разложил карты. Мастер прижал их гайкой.

— Вот верхний разворот, — сказала Мара. — А вот предполагаемый нижний. Между ними двадцать минут спокойной воды, если прогноз верен.

— Не верен, — сказал Ото.

— Почему?

— Вчера ферма у четвёртой ноги натянулась раньше расчёта. На семь минут.

— Почему не записал?

— Записал. В журнал наружных нагрузок, который никто не читает, пока что-нибудь не оторвётся.

Мара выругалась тише, чем в мастерской.

— Семь минут за сутки дают почти час к развороту.

— Или ничего не дают. Один замер — не течение.

— Но безопасное окно сокращают.

Ото поставил пружину обратно.

— Поэтому инспектор готовит рейс. И поэтому вы двое сейчас пойдёте не ругаться, а считать массу.

— Ты командуешь пилотом? — спросила Мара.

— Нет. Я старше и пользуюсь этим, пока ты терпишь.

В грузовом отсеке уже стояли ящики. Два с пробами породы, один с личными сообщениями, четыре с пустыми баллонами, которые наверху должны были наполнить лечебной смесью. На каждом светилась масса.

Мара взяла мел и написала на стене: «180».

— Что обязательно? — спросила она.

— Датчик, — сказал Лев.

— Он весит сорок граммов.

— И копии записи.

— Ничего не меняет.

— Журнал Веры, если найдём.

— Не нашли.

— Модульный регистратор может весить до тридцати килограммов.

Мара написала «30?» и обвела вопрос.

Ото указал на баллоны.

— Эти вниз уже не вернутся. Снимаем.

— Врач будет против, — сказала Мара.

— Врач остаётся здесь и сможет быть против лично.

Они перебирали груз, пока мел не испачкал пальцы. Каждая вещь на станции имела владельца и объяснение. Пустой баллон был обещанием лекарства. Образец породы — полугодием работы. Пакет писем весил меньше килограмма, но Лев не решился предложить его оставить. Чем ближе становился один рейс, тем яснее было: груз измеряют не только массой.

Дверь открылась без стука. Инга вошла вместе с Севом Краем, молодым гидрологом. Сев нёс переносной экран и старался не смотреть на опечатанный коридор машинного отсека. Он родился уже после первой аварии, но на станции все знали: его отец был в погибшей экспедиции.

— Край нашёл отклонение, — сказала Инга.

— Ото тоже, — ответила Мара.

Сев поставил экран на ящик. На нём двигались три цветные линии.

— Нижний поток ускоряется. Не сильно, на два процента, но раньше сезонной кривой. Если скорость сохранится, окно закроется через девятнадцать часов.

Мара стёрла со стены «24» и написала «19».

— Уверенность?

— Шестьдесят процентов.

— Для старта мало.

— Для ожидания тоже, — сказала Инга.

Лев указал на третью линию.

— Что это?

Сев приблизил график.

— Датчик под нижней полкой. Он проснулся сегодня утром. До этого шесть лет выдавал один короткий пакет в месяц.

В грузовом отсеке стало тихо.

— Шесть лет? — переспросил Лев.

— Я полез в архив после вашего номера пары. Станция считала пакеты помехой от насосов. Они совпадали с ежемесячной проверкой «Следа».

Инга положила на ящик распечатку.

— Датчик на модуле не единственный. Этот сигнал приходит с другой точки, на сто восемьдесят метров ниже.

— За погребённым лагерем? — спросил Лев.

— По направлению — да. Глубина неточная.

Мара посмотрела на часы.

— И вы всё ещё думаете отправлять единственную капсулу через четыре часа?

— Я готовлю возможность, — сказала Инга. — Решение зависит от проверки машины и списка людей.

— Если капсула уйдёт, кто привезёт новый балласт?

— Верхняя служба обязана отправить грузовой спуск после стабилизации течения.

— Через сколько?

— От девяти до четырнадцати суток.

— У нас кислорода на двадцать один, пищи на тридцать. Это переживём. Но склон двигается сейчас.

Инга кивнула.

— Поэтому часть людей должна уйти в этом окне.

— Какая часть?

— Я не составляю список одна.

— Но подпишете его вы.

— Да.

Сев провёл ладонью по волосам.

— Мой отец там внизу. Если датчики связаны с первой экспедицией, мне нужно остаться.

— Ты гидролог, — сказала Мара. — Именно поэтому тебя могут отправить наверх с данными.

— Данные можно передать по кабелю.

— Кабель рвётся при развороте.

— Тогда в контейнере.

— Которого у нас нет.

Лев слушал, как живые люди примеряют к себе восемь ложементов. Рейс ещё не назначили, список не открыли, а станция уже разделилась на тех, кто нужен наверху, и тех, кто нужен внизу. Самым опасным было слово «нужен»: оно позволяло не произносить «дороже».

— Нельзя выбирать по полезности, — сказал он.

Инга повернулась к нему.

— Тогда предложите правило.

— Сначала те, кому опасно оставаться.

— На станции нет детей. Трое имеют медицинские ограничения, но способны провести две недели здесь.

— Потом добровольцы.

— Добровольно уйти или добровольно остаться?

Лев не ответил.

— Любое простое правило прячет решение, — продолжила Инга. — Жребий прячет его в случайности. Должность — в пользе. Болезнь — в теле. Я не стану говорить, что выбора нет. Он есть, и кто-то его подпишет.

— Вы?

— Я и совет станции. Открыто, с основаниями по каждому месту.

Мара провела черту под числом «180».

— Сначала решим, взлетит ли капсула. Сев, мне нужны сырые данные. Ото, полная проверка замков. Лев, ты идёшь со мной на верхний узел.

— Зачем?

— Увидишь, что означает «окно» снаружи.

Верхний узел находился на самой крыше «Кромки», в прозрачном пузыре размером с кладовую. Выходить в воду не требовалось: узкая шахта вела к двум креслам перед иллюминатором. В обычные дни здесь дежурил пилот, принимая капсулы сверху. Сегодня за стеклом не было ничего, кроме вертикального дождя из частиц.

Мара выключила внутренний свет.

Сначала Лев увидел только собственное отражение. Потом глаза привыкли, и в темноте проявились длинные светящиеся нити. Они тянулись слева направо, изгибались и исчезали. Мара включила наружный прожектор. Нити рванулись разом, как трава под ветром.

— Это верхний поток, — сказала она. — Через несколько часов он пойдёт в обратную сторону.

Она нажала кнопку. Из корпуса вышел маленький поплавок на тросе. Его потащило вправо. Счётчик быстро показал нагрузку.

— Капсула поднимается медленно первые сорок минут. Она ещё тяжёлая, а плиты сбрасываем ступенями. Поток тащит её к стене разлома. Я держу двигателями, но топлива мало. Потом начинается мёртвая зона: верх тянет в одну сторону, низ — в другую. Без «Следа» её надо пройти точно между разворотами.

— А если раньше?

— Нижний поток прижмёт к склону.

— Позже?

— Верхний отнесёт над разломом. Трос поверхности не достанет, а своего хода до платформы не хватит.

Она втянула поплавок. Трос дрожал так, что катушка звенела.

— Вот почему рейс гарантированный только на бумаге. Гарантия означает, что мы приготовили всё, что умеем. Вода ничего не обещала.

Лев приложил ладонь к стеклу. Где-то далеко внизу лежал модуль Веры. Между ним и этой точкой работали два неизвестных датчика. Сверху ждал путь домой, который существовал девятнадцать часов, а потом превращался просто в пустую воду.

— Ты хочешь вести капсулу? — спросил он.

— Это моя работа.

— Я не об этом.

Мара долго смотрела на светящиеся нити.

— Хочу, чтобы она ушла и вернулась за нами. Не хочу выбирать первый глагол отдельно от второго.

В динамике щёлкнула связь.

— Верхний узел, ответьте, — сказал Сев.

Мара включила канал.

— Слушаю.

— Новый пакет с нижнего датчика. Он передал прогноз разворота.

— Наш прогноз?

— Нет. Свой. Семнадцать часов сорок минут.

Лев и Мара переглянулись.

— Он точнее наших приборов? — спросил Лев.

— Не знаю. Но шесть предыдущих пакетов из архива совпали с фактическим разворотом до минуты.

Мара закрыла глаза, пересчитала что-то про себя и написала пальцем на запотевшем краю стекла: «14:40».

— Что это? — спросил Лев.

— Последнее время старта с запасом. Через четырнадцать часов сорок минут люк должен закрыться.

— Датчик помогает нам.

— Или ведёт капсулу туда, куда надо тому, кто его поставил.

Инга вышла на связь сразу после неё.

— Все руководители служб в центральную рубку. Решение по рейсу через тридцать минут.

— Инспектор, — сказал Лев, — нижний датчик знал время прошлых разворотов.

— Слышала.

— Значит, его данные можно проверить.

— Уже проверяем.

— Если совпадут, вы откроете сектор?

— Нет.

— Почему?

— Потому что точный неизвестный источник опаснее неточного, если вы собираетесь доверить ему единственную капсулу.

Связь отключилась.

Мара стёрла цифры со стекла рукавом.

— Она права, — сказала она.

— Знаю.

— Тогда почему споришь?

Лев смотрел, как за иллюминатором поток гнёт светящиеся нити.

— Потому что под нами есть ответ, а у нас осталось четырнадцать часов сорок минут, чтобы даже задать вопрос.

Когда они спустились в центральную рубку, на стене уже висела схема капсулы. Восемь пустых строк для имён. Ни одной пока не заполнили.

Инга стояла перед ними и держала в руке лист с приказом.

— До проверки датчиков машина «След» не запускается, — сказала она. — Обычный рейс готовим к старту через двенадцать часов. Список утвердим за шесть. Если прогноз ухудшится, старт переносим раньше.

— А нижний сектор? — спросил Лев.

— Закрыт.

— Тогда вы отправляете людей по прогнозу устройства, которое запрещаете исследовать.

— Нет. Мы отправим их по собственным измерениям. Неизвестный прогноз используем как предупреждение, не как основание.

Ото положил на стол разобранный третий замок.

— Есть ещё одно предупреждение. Пружина треснула у основания. Запасной нет.

Мара побледнела.

— Можно переставить с грузовой кассеты.

— Размер другой.

— Выточить?

— За сутки. Если металл не поведёт.

Инга посмотрела на часы.

— У нас меньше.

Ото кивнул.

— Поэтому мне нужен один короткий запуск «Следа». Не для подъёма. Толчок разгрузит плиту, и замок отпустит без пружины.

Все посмотрели на Ингу.

Она не отвела глаз и не стала делать вид, что решения ещё нет.

— Нет, — сказала она. — Пока не доказана безопасность связи, машину не запускаем. Найдите механический способ.

— Тогда гарантия рейса исчезла, — сказала Мара.

— Да.

Это короткое слово изменило комнату сильнее тревоги. Восемь пустых строк остались на стене, но теперь они обозначали места в капсуле, которая могла не уйти.

Лев подошёл к схеме и посмотрел на третий замок. Простая пружина, кусок металла длиной с ладонь, стала границей между станцией и поверхностью. Под ними неизвестный прибор точно предсказывал воду. Рядом стояла машина, способная дать толчок, но связанная с погребённым модулем. Каждый возможный путь уже содержал причину отказаться от него.

— Покажите мне журнал пары, номер которой передал датчик, — сказал Лев.

Инга покачала головой.

— Доступ по-прежнему закрыт.

— Тогда смотрите сами. Не запуск, только запись. Узнайте, какой маршрут лежит во второй карте и почему его отвергли.

Инга перевела взгляд на схему капсулы, потом на Ото.

— Запись посмотрю я. В присутствии мастера. Вы получите вывод и копию допустимых данных.

Лев хотел потребовать всё, но остановился. Впервые за день запрет сдвинулся хотя бы на толщину листа.

— Когда?

— Сейчас.

Она повернулась к двери машинного отсека. Красная пломба ещё лежала поперёк замка.

За стеной гудела «Кромка». Где-то глубже ей отвечал датчик на мёртвой станции. А над ними окно наверх уже начало закрываться — не как дверь, которую можно придержать рукой, а как встреча двух течений, равнодушных ко всем восьми именам.

Глава 3. Честная инспекция

Инга Рей не любила запечатанные двери. Печать ничего не останавливала: она только делала нарушение видимым. На суше этого часто хватало. На глубине, где за дверью могла расти трещина или нагреваться кабель, знак на замке иногда превращался в разрешение ничего не замечать.

Перед машинным отсеком висела её красная лента. Ото Нер стоял рядом с ящиком инструментов и ждал, не прикасаясь к замку. На его ладонях белела балластная пыль.

— Печать цела, — сказал он. — Можете записать победу.

— Запишу, что никто не входил после закрытия.

— Это и есть победа инспектора.

— Нет. Победа будет, если мы поймём, почему датчик под мёртвой станцией знает номер действующей пары.

Инга поднесла личный ключ к замку. Красная нить погасла, втянулась в металлическую головку, и дверь отошла на несколько сантиметров. Изнутри пахнуло тёплым маслом и каменной сыростью. Ото придержал створку плечом.

— Только вы и я? — спросил он.

— Пока да.

— Археолог просил присутствовать.

— Археолог нашёл датчик и дважды нарушил границу работ. Оба факта записаны. Ни один не даёт ему права входить сюда.

— Вы умеете благодарить так, что хочется вернуть подарок.

Инга не ответила. За дверью начинался узкий мостик, перекинутый над круглой шахтой. Внизу, этажом ниже, стоял «След». Машина была меньше, чем представляли люди, впервые слышавшие о ней. Никакой громады, способной вытолкнуть капсулу сквозь километры воды. Две бронзовые колыбели, зажатые в чёрной раме, и между ними светлый стержень толщиной с руку. Тягу давал не размер. Её давало различие, которое машина умела разрушить.

На стене висели кассеты маршрутных пар. Каждая напоминала плоскую косточку с двумя прозрачными пластинами. На одной оставался путь, которым капсула действительно прошла. На второй — путь, рассчитанный теми же приборами в то же время, допустимый по топливу, давлению и состоянию корпуса, но отвергнутый пилотом. Пока обе пластины хранились вместе, приборы могли читать не только линии, но и приложенные к ним замеры. Когда пару разряжали, вторая пластина мутнела. Машина получала короткий подъёмный толчок, а люди теряли возможность узнать, почему второй путь не состоялся.

Инга спустилась к шкафу учёта. Номер с пластинки Льва она помнила без записи: КР-17-041. Ото включил местный свет. На полках проступили белые цифры.

— Семнадцатый год, сорок первая пара, — сказал он. — Старая.

— Шесть лет.

— Для железа не возраст.

— Для действующего датчика под станцией, погибшей двадцать три года назад, возраст.

Нужная ячейка оказалась пустой.

Инга проверила номер над ней, затем соседние кассеты. Сороковая лежала на месте, сорок вторая тоже. В глубине сорок первой ячейки темнел прямоугольник пыли, обведённый чистым краем.

— Когда её брали? — спросила она.

Ото провёл пальцем по краю.

— Не сегодня. Пыль вернулась. Может, год назад, может, пять.

— Журнал выдачи.

Они поднялись в комнату управления. Старый журнал состоял из бумажной книги и коротких записей в местной памяти. Бумага нужна была потому, что солёная вода не уважала уверенность людей в электронике. Ото положил книгу на стол и нашёл семнадцатый год.

Сорок первая пара была принята после грузового спуска с верхней платформы. Пилот выбрала восточный обход. Западный отвергла из-за бокового потока у склона. Через восемь месяцев кассету переставили в резервный шкаф. Ещё через год проверили. Последняя подпись принадлежала Ото.

— Ваша? — спросила Инга.

— Моя.

— Кассета была на месте?

— Иначе написал бы.

— Вы помните её?

— Я за жизнь видел несколько тысяч пар. Помню те, которые ломались у меня в руках, и те, из-за которых хоронили людей. Эта не сломалась и никого не убила.

Инга перелистнула страницу. В электронном учёте после проверки появились ежемесячные отметки. «Состояние: допустимо. Разряд: нет». Под каждой стояла служебная подпись машины.

— Если кассеты нет, что проверяли каждый месяц?

— Шкаф проверяет проводимость ячейки. Внутри есть ответная пластина. Можно обмануть куском металла.

— Зачем?

— Чтобы журнал не ругался.

— Зачем кому-то нужно, чтобы он не ругался?

Ото опёрся руками о стол.

— Вы задаёте один вопрос дважды.

Инга открыла схему шкафа. От ячейки сорок один шёл тонкий провод к общей шине, но перед шиной на рисунке стоял старый разъём обслуживания. В самой машине разъём был закрыт новой крышкой. Винты на ней отличались: два заводских потемнели, два блестели.

Ото достал ключ.

— Стойте, — сказала Инга.

Она сняла крышку сама. Под ней к контактам был припаян тонкий серый кабель. Он уходил за стену вместе с линиями наружных датчиков.

— Шесть лет, — произнёс Ото. — Примерно тогда меняли узел связи.

— Кто?

— Верхняя бригада и двое наших. Список найдём.

Инга проследила кабель до прохода в переборке. Изоляция выглядела чистой, без случайных петель и временных скруток. Тот, кто его вёл, не прятал работу от взгляда мастера. Он прятал её внутри обычной работы.

— Отключить можно? — спросила она.

— Можно всё. Вопрос — что после этого замолчит.

— Значит, сначала измеряем.

Ото подключил ручной прибор. По серой жиле шли короткие импульсы, равные по длине ежемесячной проверке шкафа. Между ними дрожал слабый постоянный ток.

— Питание, — сказал он. — Небольшое. Хватит датчику, если тот спит большую часть времени.

— И номер пары передаётся по этой жиле.

— Похоже.

— Не похоже. Датчик показал сорок первую пару. Здесь пустая сорок первая ячейка и чужой кабель. Это связь. Мы пока не знаем, для чего она нужна и куда ещё ведёт.

Ото усмехнулся без веселья.

— Любите точные слова.

— Нет. Я люблю, когда после аварии нельзя заменить одно слово другим и снять с себя ответственность.

Она сделала снимки, опечатала пустую ячейку и весь шкаф. Затем сняла со стены список действующих запретов. Красная строка уже закрывала нижний сектор и машинный отсек. Инга добавила к ней наружные работы ниже второй опоры и все запуски «Следа», включая проверочные.

— Ферму у четвёртой ноги надо разгрузить, — сказал Ото. — Течение тянет её сильнее расчёта.

— Насколько?

— Вчера на семь минут раньше. Сегодня уже на девять.

— Без «Следа»?

— Можно перетянуть стропу изнутри. Два человека, четыре часа, риск заклинить привод. С коротким толчком — двадцать минут.

— Делайте изнутри.

— Эти четыре часа мы заберём у подготовки капсулы.

— Я понимаю.

— Нет, — сказал Ото. — Вы услышали число. Понимать будете, когда назовёте Маре, что из-за вашего запрета третий замок останется без полной переборки.

Инга закрыла журнал.

— Тогда пойдём и назовём.

В мастерской Мара Соль лежала под стойкой балластного сброса. Из-под металла торчали её ботинки. Рядом Сев Край перебирал датчики давления, а Лев Арс держал лампу левой рукой, щадя ушибленное плечо.

— Машину не запускать, — сказала Инга.

Мара выехала из-под стойки на низкой тележке.

— Мы это уже слышали.

— Теперь есть основание. Кассеты КР-17-041 в шкафу нет. Ячейка отвечает машине через подменную пластину. От неё идёт кабель наружу, установленный при ремонте шесть лет назад. Он питает неизвестную линию и передаёт номер пары.

Лев поставил лампу на пол.

— Куда идёт кабель?

— Пока неизвестно. Вероятно, к одному или обоим нижним датчикам. Это предположение, не вывод.

— Кто забрал кассету?

— Не установлено.

— Для чего?

— Не установлено.

Мара села на тележке.

— Что установлено для нас?

Инга повернулась к ней.

— Ото перенаправит двух техников на внутреннюю перетяжку фермы. Работа займёт четыре часа. Полную переборку третьего замка до раннего старта закончить не успеют.

— Тогда раннего старта не будет.

— Либо будет старт с заменой только треснувшей пружины и двумя проверками сброса вместо пяти.

— Вы предлагаете мне поднять восемь человек на замке, который проверяли две пятых положенного?

— Я называю доступные варианты. Первый: не трогать ферму и закончить замок. При усилении течения четвёртая опора может потерять наружную стропу. Второй: перетянуть ферму, заменить пружину и провести две проверки. Третий: задержать старт, сделать обе работы полностью и, вероятно, потерять спокойный промежуток между течениями.

— Четвёртый: коротко включить «След».

— До выяснения связи с нижней станцией этот вариант закрыт мной.

— И цена вашего решения — восемь человек в капсуле с непроверенным замком.

— Нет. Цена решения может быть отмена рейса. Вы как пилот не обязаны принимать капсулу. Не перекладывайте на запрет то, что должны решить сами.

Мара поднялась. Тележка откатилась и ударилась о шкаф.

— Удобно. Вы отрезаете безопасный способ, а потом оставляете мне свободу отказаться.

— Не удобно. Именно так распределена ответственность. Я отвечаю за запрет опасной машины. Вы — за подъём. Ото — за замок. Совет — за список пассажиров. Если я подпишу всё одна, остальным станет легче, но капсула безопаснее не станет.

Лев смотрел на неё так, будто пытался найти место, где точность превращалась в уловку.

— Вы знали о пустой ячейке, когда закрывали сектор? — спросил он.

— Нет.

— О кабеле?

— Нет.

— Значит, вчера закрыли без доказательства.

— Вчера у нас был современный датчик под погибшим модулем, передающий номер действующей машины. Этого достаточно, чтобы остановить работы до проверки. Теперь данных больше. Запрет остаётся тем же, основание стало точнее.

— А если из-за задержки мы не поднимемся?

— Тогда в отчёте будет написано: мой запрет участвовал в задержке. Не «погода помешала», не «обстоятельства сложились». Мой запрет.

В мастерской загудел насос. Сев прикрыл рукой коробку с датчиками, чтобы те не поползли от вибрации.

— Нижний поток ускорился ещё на полпроцента, — сказал он. — Если линия не врёт.

— Какая линия? — спросила Инга.

— Наша штатная. Не неизвестный датчик.

— Новое время окна?

Сев открыл расчёт.

— Безопасный старт — не позже чем через десять часов. Это с запасом. Через двенадцать можно рискнуть, если верхний поток развернётся по средней кривой.

— «Можно рискнуть» убери, — сказала Мара. — Назови, чем.

Сев сглотнул.

— Через двенадцать часов вероятность бокового сноса выше одной четверти. Если третий замок задержит плиту, исправить крен в потоке почти невозможно.

— Вот теперь понятно.

Инга попросила общий экран. На нём она написала четыре строки: десять часов до безопасного старта; четыре часа на ферму; три часа на замену пружины и две проверки; пять часов на полную проверку замка. Потом добавила: эти работы частично идут одновременно, но требуют одних и тех же двух техников.

— Публикуйте, — сказала она.

Ото нахмурился.

— На всю станцию?

— Да. Вместе с причиной запрета и снимком пустой ячейки.

— Начнётся паника.

— Уже началась. Только сейчас люди заполняют пустоту выдумками. Пусть спорят с настоящими числами.

— И с именами тех, кто ставил кабель? — спросил Лев.

— Нет. Список бригады получат участники расследования. Установка кабеля ещё не доказывает умысел. Я не стану превращать ремонтников в виновных, чтобы станции стало спокойнее.

Ото подключил экран к внутренней сети. Сообщение ушло на жилые панели, в лазарет, кухню, водорослевую ферму и верхний узел. Почти сразу в коридоре заговорили громче.

Первой пришла врач. За ней — начальница смены фермы и двое рабочих. Они не кричали. На глубине люди редко тратили воздух на крик, но вопросы били один за другим.

Почему неизвестный кабель важнее подъёма? Кто решил, что оставшиеся выдержат две недели? Почему нельзя отправить капсулу сейчас? Кого уже внесли в список? Правда ли, что «След» кормится погибшими маршрутами?

Инга отвечала по порядку.

Кабель сам по себе не важнее подъёма; опасна неизвестная связь подъёмной машины с оборудованием под аварийным сектором. Две недели — срок до возможного грузового спуска, а не обещание безопасности. Капсула не готова из-за замка. Списка нет. Машина не кормится погибшими: она разряжает сохранённую пару рассчитанных путей, один из которых не был пройден.

— Значит, вы даже не знаете, опасна ли она, — сказала начальница фермы.

— Не знаю.

— И запретили.

— Да.

— Из-за незнания?

— Из-за конкретной неизвестной связи в устройстве, от которого зависит подъём. Если я разрешу запуск, незнание никуда не исчезнет. Оно просто станет вашим риском без вашего согласия.

— А запрет — это риск с нашим согласием?

— Нет. Поэтому совет станции соберётся через двадцать минут. Я изложу основание. Совет может потребовать снять меня с решения, но для запуска понадобится другой инспекторский ключ. Его здесь нет.

— То есть решаете всё равно вы.

— Запрет — да. Остальное — нет.

Инга видела, как это звучит. Честность не делала власть меньше. Иногда она лишь не позволяла власти переодеться необходимостью.

Совет собрался в столовой, потому что только там помещались все желающие. На столах остались чашки, сетки с ложками и миска мелких помидоров из водорослевой фермы. Люди стояли вдоль стен. За иллюминатором плавала чёрная вода.

Ото объяснил состояние опоры и замка. Сев показал течение. Мара сказала, что не поведёт капсулу после двух проверок, если хотя бы одна даст разницу больше трёх десятых секунды. Инга повторила причины запрета. Ни одного довода она не смягчила и ни одному не добавила веса.

Лев сидел у двери. Когда заговорили о нижнем секторе, он поднял руку.

— Кабель можно проследить снаружи от второй опоры, не входя к погребённому модулю.

— Нельзя, — сказала Инга. — Он уходит ниже разрешённой отметки.

— Я был там сегодня. Состояние склона знаю.

— Именно сегодня произошёл сдвиг ила.

— Поэтому знаю, где он прошёл.

— А где пройдёт следующий?

— Этого не знает никто.

— Верно. Сектор закрыт.

Лев опустил руку, но не взгляд.

— Тогда вы лишаете нас единственного способа быстро понять связь.

— Быстрого способа, который требует отправить человека под нестабильный склон. Я не назову его единственным. Кабель можно прозвонить изнутри, изучить ремонтные записи и опустить беспилотный маяк с верхней полки.

Ото покачал головой.

— Маяк снесёт. Прозвонка покажет длину с ошибкой метров в сорок.

— Но покажет, один датчик на линии или несколько.

Сев поднялся.

— Я сделаю прозвонку. Мне нужны два часа и доступ к водяному шкафу.

— Получите, — сказала Инга.

— А если линия идёт к модулю отца?

Вопрос был обращён не инспектору, а всей комнате. Ответа у комнаты не оказалось.

— Тогда мы это запишем, — сказала Инга. — Но сначала установим, куда она идёт.

Сев сел. Лев отвёл глаза. Инга поняла, что её ответ показался им холодным. Другого честного ответа не было. Обещать вернуть отца, имя или правду из кабеля значило бы взять у молодого человека доверие в обмен на красивую ложь.

Совет решил ремонтировать ферму и замок одновременно: снять одного техника с водорослевых насосов и поставить рядом с Ото. Это увеличивало риск остановки очистки воды, но насосы могли продержаться без ремонта сутки. Полную серию проверок замка сократили до четырёх, а не двух. Мара согласилась принять решение после третьей; четвёртую провести уже с загруженной капсулой.

Цена сложилась из малых вещей. Водорослевая смена остановила чистку одного бассейна. Лазарет отдал запасную пружину из своего подъёмника. Двое наружных рабочих легли спать на три часа раньше смены, чтобы к возможному старту не дрожали руки. Груз пришлось сократить до ста сорока килограммов, потому что Мара потребовала дополнительный запас воздуха. Сорок килограммов обещаний остались на полу грузового отсека.

Инга внесла каждую вещь в решение. Не потому, что запись возвращала потерянное, а потому, что без записи потеря быстро становилась ничьей.

Когда люди разошлись, Лев догнал её у коридора связи.

— Вы действительно оставите нижний сектор закрытым до конца окна?

— Если не появятся новые данные.

— Новые данные лежат там.

— И склон лежит там же.

— Вера тоже.

Инга остановилась.

— Вы нашли её журнал?

— Сигнал ещё нет. Но метка на модуле её. Если под ним работает современный датчик, кто-то возвращался к месту аварии. Возможно, кассета там.

— Возможно.

— Если капсула уйдёт, верхняя служба закроет базу. Никто не даст мне спуститься снова.

— Вы боитесь потерять находку.

— Я обещал семье вернуть журнал.

— Обещание не делает склон устойчивее.

— А ваш запрет не делает обещание менее настоящим.

— Согласна.

Лев словно не ожидал согласия.

— Тогда что?

— Тогда ваше обещание останется настоящим, а сектор — закрытым. Иногда два факта не складываются в справедливое решение.

— Вы всегда так говорите людям, которым перекрыли дорогу?

— Только если я действительно её перекрыла.

Он долго молчал. За стеной заработал гайковёрт: Ото начал замену пружины.

— Я думал, вы прячетесь за правилами, — сказал Лев.

— Правило с моей подписью — плохое укрытие.

— Но хорошее оружие.

— Да.

Инга пошла дальше. Через три шага Лев спросил:

— Что будет, если прозвонка покажет кассету под модулем?

Она обернулась.

— Тогда у нас появится основание искать способ достать её. Не основание послать вас первым способом, который пришёл в голову.

В комнате связи Сев уже разматывал измерительный провод. Серый кабель от «Следа» вывели на отдельный разъём. Ото прислал техника, худую женщину по имени Дана, которая держала часы и записывала отражения сигнала.

Первый импульс вернулся почти сразу от ближнего соединения. Второй — позже, слабый и раздвоенный. Сев повторил замер на трёх частотах.

— Здесь ответвление, — сказал он. — Примерно сто шестьдесят метров кабеля до развилки. Потом одна ветвь ещё метров сорок, другая не меньше двухсот.

— Ошибка? — спросила Инга.

— Десять процентов. Кабель лежит не прямо.

Лев наклонился над схемой.

— Сто шестьдесят метров — край первой станции. Короткая ветвь может идти к датчику на балке. Длинная — ниже, к тому, который видел Сев.

— Может, — сказала Инга.

Сев послал более сильный импульс. На экране вспыхнули два ответа, а затем третий, едва заметный. Он увеличил участок.

— Это не отражение. Что-то передало пакет после нашего сигнала.

На ленте появились цифры. Давление. Температура. Время. Номер пары КР-17-041. И ещё шесть знаков, которых не было на пластинке Льва.

Ото, пришедший прямо с ремонта, вытер руки о комбинезон.

— Код груза, — сказал он. — Старый формат.

— Какого груза? — спросил Лев.

Ото прочёл цифры ещё раз.

— Живого.

Никто не заговорил. На «Кромке» так помечали пассажирские капсулы, чтобы балластная машина не считала их неодушевлённой массой. Код был снят с обращения после первой аварии.

Инга посмотрела на часы. До безопасного старта оставалось восемь часов сорок три минуты.

Она внесла новый факт в журнал и рядом записала решение: сектор остаётся закрытым; подготовить беспилотный осмотр короткой ветви; пассажирскую капсулу готовить к старту; совету немедленно сообщить, что под склоном отвечает старый код живого груза, но признаков живого человека пока нет.

Лев прочитал запись через её плечо.

— «Признаков живого человека нет».

— Это правда.

— И «живой груз» тоже правда.

— Да.

— Люди услышат второе и забудут первое.

— Поэтому я скажу оба.

Инга отправила сообщение на общую панель. Почти сразу станция ответила ей гулом шагов, голосов и открывающихся дверей.

Честность не успокоила «Кромку». Она отняла у людей спокойствие быстрее любого слуха. Но теперь страх имел шесть цифр, две ветви кабеля и восемь часов сорок три минуты до решения, после которого кто-то поднимется, а кто-то останется рядом с ответом из-под мёртвой станции.

Глава 4. Маршрут, которого не было

После сообщения Инги люди перестали смотреть под ноги.

Они смотрели на потолочные панели, где шесть цифр старого кода стояли рядом с её пояснением: признаков живого человека нет. В столовой, у водяного шкафа, в переходе к капсуле одни читали первую строку, другие — вторую. На глубине слух не бежал по коридорам сам. Его переносили лица.

Лев дошёл до архива и запер дверь изнутри. Не от людей — от их надежды. Надежда уже однажды заставила его принять слабый сигнал за голос Веры. Тогда он провёл двое суток у заваленного входа, пока Мара не выдернула его наружу за страховочный трос. Под обломками оказался аварийный передатчик, а не человек. Вера лежала дальше, там, куда они не успели пройти.

На столе ждали снимки кассеты КР-17-041. Самой кассеты не было, но в журнале сохранилась полоса контрольного чтения, сделанного шесть лет назад. Две тонкие линии шли почти вместе от верхней платформы к «Кромке». Восточная огибала склон широким полукругом. Западная срезала путь над первой станцией и затем резко поднималась вдоль каменной стены.

Одна линия была пройдена. Вторую рассчитали, проверили и отвергли.

Лев увеличил западный путь. Под ним проступили мелкие отметки давления, тяги и качки. Причина отказа в журнале состояла из четырёх слов: боковой поток у склона. Слишком гладко. Пилоты не писали так, когда отказывались от допустимого пути. Они оставляли число, направление, иногда ругательство, если запись была рабочей. Четыре слова выглядели не объяснением, а подписью на закрытой двери.

Он наложил маршрут на старую карту дна. Западная линия проходила в двадцати метрах над погребённым модулем, затем поворачивала туда, где шесть лет назад уже лежал обвал. Если капсула действительно шла восточным обходом, на западной стене не должно было остаться ничего от неё. Ни царапины, ни выбитой раковины, ни следа тяговой струи.

Но отвергнутый маршрут был не рисунком. Его рассчитывали по настоящей воде, настоящему корпусу и настоящему моменту. Пара хранила разницу между двумя возможными движениями так же вещественно, как пружина хранила сжатие. Машина умела эту разницу потратить. Кто-то вынес кассету из шкафа и протянул к нижней станции питание.

Лев открыл снимок датчика с балки. На тыльной стороне пластины, кроме заводского номера, шли три неглубокие борозды. Сначала он принял их за след зажима. Теперь развернул изображение и сравнил расстояние между бороздами с боковыми направляющими старых маршрутных кассет.

Совпало не идеально. Идеального совпадения в археологии не бывало. Совпало достаточно, чтобы позвать Ингу.

Она пришла через семь минут с Даной и прозрачным мешком для улик. Красная инспекторская лента на её рукаве была смята, будто за неё уже хватались.

— Вы сказали, есть физический след пары, — произнесла Инга.

— Возможный след. Пластину прижимали к кассете или к оправе той же ширины.

— Когда?

— После изготовления пластины. Точнее не скажу.

— Тогда это след подходящего инструмента, не пары.

— Пока да.

Инга посмотрела на него внимательнее. Вероятно, ожидала спора.

— Что вам нужно?

— Снимки короткой ветви с беспилотника. Не только датчик. Стена, ил, опоры, всё, что попадёт в свет.

— Беспилотник осматривает ветвь кабеля, а не ищет вашу кассету.

— Его камере всё равно, на что смотреть.

— Оператору не всё равно, куда вести аппарат.

— Я не прошу нарушать границу. Западный маршрут проходит над разрешённой полкой. Если там есть след, он поможет понять, что отвечает снизу.

— Или ничего не поможет понять, но отнимет время у замка.

— Аппарат ведёт Сев. Замок чинит Ото.

— Сев сейчас пересчитывает течение для Маре.

— Пересчёт закончит через двенадцать минут. Я видел его очередь задач.

Инга не спросила, откуда. На «Кромке» рабочие очереди были открыты всем, потому что закрытая задача на глубине быстро превращалась в чужую опасность.

— Осмотр короткой ветви уже разрешён, — сказала она. — Вы можете сидеть рядом с оператором. Управление не получите. Если увидите что-то важное, называете направление и основание. Решение о манёвре принимает Сев.

— Подходит.

— И ещё. Код живого груза не упоминаете как основание для поиска человека.

— Я не ищу живого человека.

— Что вы ищете?

Лев указал на две линии.

— След дороги, по которой никто не прошёл.

Дана впервые подняла глаза от планшета.

— Если никто не прошёл, какой след может остаться?

— От самой капсулы — никакого. От людей, которые сохранили этот путь, — может.

Беспилотник «Кромки» помещался в ящике для обуви. Четыре винта были спрятаны в кольцах, чтобы не намотать кабель или водоросли. Спереди стояли две лампы и камера. Сзади тянулась тонкая жила питания. Для настоящего спуска аппарат был слаб, но сейчас ему предстояло пройти вдоль корпуса до второй опоры и заглянуть под край разрешённой полки.

Сев проверял уплотнение, когда Лев вошёл в шлюзовую рубку.

— Инга велела не искать моего отца, — сказал он вместо приветствия.

— Правильно велела.

Сев так резко затянул кольцо, что резина пискнула.

— Удобно вам обоим.

— Нет. Тебе дали код груза. Не пульс, не состав воздуха, не тепло тела. Код мог остаться в памяти устройства. Мог быть присвоен кассете. Мог обозначать капсулу, которую давно подняли. Если сейчас назвать его человеком, дальше любые данные будут мешать только потому, что человек уже появился у нас в голове.

— У тебя Вера не появилась?

— Появилась. Поэтому я знаю, сколько это стоит.

Сев отвернулся. На секунду Лев увидел не гидролога, уверенно читающего потоки, а мальчика, которому сообщили, что отец не вернётся, но не дали тела и последней минуты. Потом Сев поднял аппарат, поставил его в приёмную рамку и снова стал специалистом.

— Управляю я.

— Да.

— Ниже красной линии не иду.

— Да.

— Увидишь чудо — сначала скажешь координату, потом название чуда.

— Сначала координату.

Наружная створка открылась. Вода приняла аппарат без всплеска. На экране возникла белая поверхность станции, изъеденная мелкими пятнами. Свет выхватывал из темноты болты,

сетку страховочного настила, рыхлые колонии трубчатых червей. За ними начиналась чёрная вода, в которой размеры исчезали вместе с расстоянием.

Сев вывел беспилотник за поручень. Течение сразу сдвинуло его на полметра. Аппарат наклонился, выровнялся и пополз вдоль серого кабеля.

Лев следил не за кабелем. Он смотрел, как лежит осадок.

На действующей станции ил собирался в защищённых углах и уходил с выступающих поверхностей. По этим светлым и тёмным полосам можно было читать годы ремонта. Вот опору очищали щёткой прошлой зимой. Вот гайку меняли, не сняв старую шайбу. Вот по настилу тащили тяжёлый ящик и содрали молодую колонию.

За второй опорой кабель нырнул под металлическую скобу. Скобу поставили недавно: края ещё не успели потемнеть. Затем линия легла на камень и пошла вниз.

— Короткая ветвь отделяется через три метра, — сказал Сев.

На экране появился узел в прозрачной оболочке. Один провод уходил к найденному Львом датчику, другой исчезал под уступом. Беспилотник повернул к короткой ветви. Лучи скользнули по погребённому модулю первой экспедиции.

С этой стороны он выглядел не зданием, а складкой дна. Камень, ил и белёсые наросты скрывали стену. Только прямая линия ребра выдавала человеческую работу.

— Медленнее, — сказал Лев. — Слева от кабеля, два метра.

— Основание?

— Осадок лежит против уклона.

Сев уменьшил тягу. Камера приблизилась к тёмной ложбине. На склоне ил должен был сползать вниз тонкими языками. Здесь он образовал ровную ступень шириной с ладонь, будто под ним лежала плоская вещь.

— Это может быть старый кронштейн, — сказала Инга из-за спины.

Лев не слышал, как она вошла.

— Может. Дай боковой свет.

Сев погасил правую лампу и развернул аппарат. Тень вытянулась. Под слоем ила проступил край прозрачной пластины.

Никто не произнёс номер кассеты.

Сев подвёл камеру ближе. Вода от винтов тронула осадок, и Лев резко поднял ладонь.

— Стоп. Не сдувай слой.

— Хочешь увидеть вещь или сохранить грязь?

— Грязь показывает, как она лежала.

Инга наклонилась к экрану.

— Объясните.

— Нижний слой серый, старый. Над пластиной тёмный — после последнего большого обвала. Но у переднего края светлая дорожка. Что-то касалось его недавно. Не сегодня: уже сел тонкий налёт. Возможно, манипулятор датчика.

— Датчик неподвижен, — сказал Сев.

— Тот, который мы видели, — да.

Он сразу пожалел о фразе. Она создавала лишнее устройство там, где был только след. Инга не дала догадке закрепиться.

— Мы видим пластину и нарушенный осадок. Подвижного манипулятора не видим.

— Верно.

Сев поставил аппарат на слабую обратную тягу. Вода успокоилась. Пластина лежала в металлической рамке, вдвинутой под ребро модуля. От рамки уходили две жилы: одна к датчику на балке, другая — к нижней ветви.

— Это не кассета, — сказал Сев.

— Половина кассеты, — ответил Лев. — Одна карта.

— Какая?

— Пока неизвестно.

У прозрачного края виднелась цепочка точек. Лев попросил увеличить изображение. Камера потеряла резкость, поймала снова. Точки сложились в номер: 17-041-Б.

В архивном журнале пройденная восточная линия обозначалась буквой А. Отвергнутая западная — буквой Б.

Сев прочитал номер вслух. После этого находка перестала быть догадкой.

Инга приказала Дане открыть запись улики и продиктовала время, координату, глубину, положение камеры и всех присутствующих. Голос у неё не изменился. Лев почувствовал благодарность именно за это. Если бы она обрадовалась, пластина стала бы ответом раньше, чем они сумели задать вопрос.

— Карта отвергнутого маршрута вынута из кассеты и подключена к нижней линии, — сказала Инга. — Это установленный факт?

— Подключена к двум жилам, — уточнил Лев. — Получает ли она питание, по изображению не видно.

Сев посмотрел на показания аппарата.

— Вокруг рамки слабое поле. Такое же, как у кабеля.

— Тогда получает, — сказала Инга. — Не установлено, что передаёт именно она. Не установлено, где вторая половина. Не установлено, кто и зачем разделил пару.

— И код живого груза всё ещё пришёл с длинной ветви, — добавил Лев.

Сев молчал.

— Да, — сказал он наконец. — Не отсюда.

Беспилотник мог взять пластину маленьким зажимом. На корпусе имелась петля для проб воды и мягких образцов. Сев вывел значок манипулятора на экран, но Инга остановила его прежде, чем он разжал захват.

— Не трогать.

— Почему? — спросил Сев. — Это то, ради чего мы вышли.

— Мы вышли осмотреть короткую ветвь. Извлечение может оборвать длинную линию или разрядить карту.

— Если карта вообще способна разрядиться без второй половины, — сказал Лев.

— Вы знаете, что не способна?

— Нет.

— Тогда не трогать.

Сев убрал значок. В его движении было столько сдержанной злости, что курсор перескочил через половину экрана.

— Снимем рамку со всех сторон, — предложил Лев. — И путь над ней.

— Какой путь? — спросила Инга.

Он развернул на соседней панели карту западной линии.

— Отвергнутый маршрут проходил прямо здесь. Не капсула — расчёт. Если кто-то вынес карту вниз, место выбрано не случайно. Рамка лежит под точкой, где путь ближе всего подходил к старой станции.

— Карта могла быть спрятана там из-за доступного укрытия.

— Могла. Но посмотрите на крепление.

Сев обошёл рамку сверху. Под илом обнаружились три коротких штыря. Они держали пластину не параллельно стене, а под углом к воде. Лев сверил угол с направлением западной линии. Совпадение оказалось слишком грубым, чтобы назвать его точным, и слишком близким, чтобы забыть.

— Её выставили поперёк расчётного движения капсулы, — сказал он. — Как датчик в потоке.

— Карта сама является датчиком? — спросила Дана.

— Не знаю. Но тот, кто ставил рамку, относился к маршруту как к месту, а не как к записи в шкафу.

Инга велела снять размеры. Сев провёл аппарат вдоль ребра, и тогда Лев увидел второй след.

В камне над рамкой шла узкая полоса без наростов. Она повторяла поворот отвергнутого маршрута: сначала поднималась вдоль стены, потом уходила вправо. Полоса была не царапиной. Камень оставался цел. С него словно регулярно стряхивали осадок.

— Координата: четыре и семь вправо, один и два вверх, — быстро сказал Лев. — Боковой свет.

Сев послушался. Свет лёг почти вдоль стены. Чистая полоса проступила на три метра, исчезла под выступом и появилась выше.

— Течение, — сказал Сев.

— Здесь обратная тень. Течение несёт осадок сверху вниз и слева направо. Полоса идёт ему навстречу.

— Кабель вибрирует.

— Кабель ниже и не касается стены.

Инга попросила показать архивную линию рядом. Лев совместил изображения. На двухмерной схеме западный путь проходил по той же дуге. Погрешность старой карты составляла несколько метров, чистая полоса укладывалась в неё целиком.

— Это физический след маршрута? — спросила Дана.

— След работы устройства, ориентированного по маршруту, — ответил Лев. — Капсула здесь не проходила. Камень не помнит несделанное движение сам по себе.

— А устройство помнит?

— Устройство получает питание шесть лет. Возможно, карта всё это время сравнивает записанный путь с водой вокруг неё. Возможно, нет. Нам нужны измерения, а не красивое объяснение.

Инга кивнула.

— Запишите именно так.

Лев почувствовал, как внутри поднимается прежнее нетерпение. Вера была где-то ниже. Длинная ветвь отвечала старым кодом. Теперь они нашли отвергнутую карту, выставленную поперёк пути, которого не было. Всё тянуло его вниз, к одному выводу. Но вывод пока держался на отсутствующих предметах: второй пластине, источнике кода, человеке, поставившем рамку.

Археолог отличался от грабителя не осторожностью рук. Руки у обоих могли быть нежными. Археолог оставлял находке право не подтвердить его историю.

— Отведи аппарат выше, — сказал он. — По полосе, но не заходи под выступ.

Сев провёл беспилотник до красной границы. Чистая дуга продолжалась и там. У самой черты камера поймала маленькие металлические скобы, вбитые в камень через равные промежутки. Между ними ничего не было.

— Был трос, — сказал Лев. — Или трубка.

— Почему «был»? — спросила Инга.

— На первой скобе остался обрывок оболочки. Дальше скобы пустые. Что-то сняли или унесло.

Сев увеличил первую. Под рваным краем оболочки блеснули две прозрачные жилы, такие же, как у рамки.

— Вторая карта? — спросил он.

— Не карта. Связь с ней. Возможно.

Красная линия на экране проходила в двадцати сантиметрах от следующей скобы. За ней начинался закрытый сектор и склон, который мог сдвинуться без предупреждения. Бес-

пилотник ещё мог проскользнуть. Человек не рисковал бы жизнью. Машина стоила меньше человеческой руки.

Лев посмотрел на Ингу.

— Один метр.

— Нет.

— Аппарат беспилотный.

— Его жила идёт к станции. Если склон потянет аппарат, кабель ляжет на нижнюю ветвь или опору.

— Обрежем питание.

— После того как он зацепится?

— Мы увидим, куда шла связь.

— И можем оборвать линию до того, как поймём источник кода. Граница остаётся.

Лев сжал край стола. До безопасного старта оставалось меньше восьми часов. За красной чертой лежал, возможно, ответ, а Инга защищала его от их же попытки ответ получить.

— Вы сохраняете неизвестность, — сказал он.

— Да. Пока способ узнать может уничтожить предмет вопроса.

— У нас нет времени на правильный способ.

— Тогда останется неправильное знание: линия замолчала после нашего вмешательства. Оно вам поможет?

Он хотел сказать, что поможет хотя бы действие. Но действие не было знанием. Вера погибла в том числе потому, что во время первой аварии люди делали то, что можно было сделать немедленно, и называли это единственным выбором.

— Возвращай аппарат, — сказал Лев.

Сев взглянул на него, потом на Ингу.

— Это её решение.

— Теперь и моё.

Беспилотник пошёл обратно. На прощальном развороте камера ещё раз увидела пластину 17-041-Б. Под косым светом внутри прозрачного слоя мерцала тонкая линия. Она не была нарисована краской. Свет застревал в ней, как в трещине льда.

Лев наложил на кадр архивную карту. Мерцающая линия повторяла западный маршрут до последнего поворота. Рядом проявились более слабые ответвления — дрожь допустимых отклонений, которые пилот могла выбрать в ту минуту. Одно из них обрывалось у склона.

Он записал кадр отдельно.

В шлюзовой рубке стало тихо. Даже Сев больше не смотрел на строку старого кода. Перед ними лежало другое свидетельство: не человек, не призрак и не обещание спасения. Кусок прозрачного материала хранил путь, который шесть лет назад посчитали возможным и не выбрали. Кто-то вынес этот путь из машины, опустил к мёртвой станции и заставил соприкасаться с настоящей водой.

Инга закрыла наружную створку только после того, как аппарат сел в рамку. Затем вывела на общий экран короткое сообщение.

Обнаружена карта Б пары КР-17-041. Карта расположена у первого аварийного модуля и подключена к линии питания. Она хранит отвергнутый западный маршрут. Признаков присутствия человека не обнаружено. Источник кода живого груза находится ниже и не установлен. Карту не извлекали, чтобы не повредить связь и данные.

— Люди скажут, что мы нашли дорогу к выжившим и испугались пройти, — заметил Сев.

— Некоторые скажут, — ответила Инга.

— И что вы им дадите?

— Снимки, координаты и причины решения.

— Этого мало.

— Для утешения — мало. Для следующего безопасного шага — достаточно.

Лев смотрел на мерцающую линию внутри пластины. В архиве отвергнутый маршрут был тонкой чертой рядом с совершённым. Здесь, на дне, он приобрёл рамку, кабель, чистую полосу на камне и обрыв связи, уходивший под запретный склон. Несделанный путь оказался не менее материальным, чем болт или кость. Но он ничего не говорил о том, кто жив.

Он говорил только о том, что кто-то очень хотел сохранить отказ.

Из мастерской пришло сообщение Ото: новая пружина стояла на месте, начиналась первая проверка замка. Мара добавила время до решения о старте — семь часов пятьдесят одна минута.

Лев открыл журнал КР-17-041 и перечитал четыре слова: боковой поток у склона.

Теперь они казались ещё беднее. Если западный путь просто оказался опасным, зачем шесть лет держать его в воде у погибшей станции? Зачем отделять карту Б от пройденной карты А? Зачем питать нижнюю линию и отвечать кодом, который машина должна была забыть вместе со старой системой грузов?

Он не вписал ответы. Только составил список того, что можно было проверить, не трогая находку: частоту поля вокруг рамки, совпадение чистой полосы с колебаниями карты, старые записи ремонта, состав бригады и местонахождение карты А.

Инга прочитала список.

— Начнём с второй половины, — сказала она. — Если карта А осталась наверху или была разряжена, это изменит смысл находки.

— А если она внизу?

— Тогда установим, что она внизу.

Лев усмехнулся.

— Иногда вы говорите так, будто мир можно пережить по одному факту.

— Иначе люди гибнут сразу от всей истории, которую придумали между двумя фактами.

Она ушла к шкафу «Следа». Сев остался с аппаратом, снимая с колец нити осадка. На одной нити блестела прозрачная крупинка. Он потянулся за ней пинцетом, но остановился и позвал Дану, чтобы та записала место и время.

Лев ничего не сказал. Молодой гидролог всё ещё хотел найти отца. Желание не исчезло. Просто теперь рядом с ним появилось действие, которое не превращало желание в доказательство.

За стеной прошёл первый удар балластного замка. Металл ответил глухо и с задержкой. Мара потребовала повторить проверку.

До рейса наверх оставалось меньше восьми часов. Под станцией лежал маршрут, которого не было. А единственная дорога, по которой люди могли уйти на самом деле, всё ещё не открылась.

Глава 5. Два пути одной капсулы

Первый удар замка опоздал на четыре десятых секунды.

Мара стояла у стойки балластного сброса, положив ладонь на холодный кожух, словно могла почувствовать задержку пальцами. На экране две линии должны были совпасть: команда и движение запора. Между ними оставалась щель шириной в четыре деления.

— Я обещала принять три десятых, — сказала она. — Четыре не приму.

Ото лежал под стойкой. Изнутри донёсся стук ключа.

— Пружина новая. Ей надо сесть.

— Пассажирам тоже надо сесть. Желательно потом встать наверху.

— Повторим без нагрузки.

— Без нагрузки замок всегда храбрее.

Лев наблюдал из дверей. После возвращения беспилотника ему хотелось идти в архив, искать карту А и состав бригады, но Инга закрыла шкаф «Следа» до совместного осмотра. Она не запретила думать. Просто заставила думать там, где находились остальные последствия.

На полу рядом со стойкой лежала балластная плита — толстый серый прямоугольник с проушиной. Таких у капсулы было три. При подъёме замки отпускали их по очереди, и капсула становилась легче. Если один запаздывал, корпус кренился. В спокойной воде автоматика успевала выправить крен винтами. В боковом потоке четыре десятых секунды могли превратить плиту в маятник.

Ото вылез и вытер лоб рукавом.

— Нужна нагрузка хотя бы в половину рабочей.

— Стенд занят фермой, — сказала Мара.

— Поэтому я и предлагал короткий толчок «Следа». Он разгрузил бы плиту без стенда.

Инга вошла следом за Даной.

— Машина остаётся закрытой.

— Тогда вторая проверка даст нам красивое число, которое ничего не значит, — ответила Мара.

— Есть переносная рама, — сказал Ото. — Соберём за полтора часа.

— Через полтора часа мне нужна загруженная капсула.

Лев посмотрел на часы. Семь часов тридцать четыре минуты до предела, который Мара ещё называла безопасным. Время уменьшалось не ровной линией. Каждая работа откусывала кусок у другой.

— Покажите нам машину, — сказал он Ото.

— Зачем?

— Не запускайте. Покажите, что именно дал бы короткий толчок. Все говорят о нём как о запасном рычаге, но половина станции решила, что он питается мёртвыми, а другая — что в шкафу лежат готовые подъёмы.

— Сейчас не уроки, — сказала Мара.

— Именно сейчас. Совет скоро будет решать, ждать ли полтора часа или требовать запуск. Решение о вещи, которой никто не понимает, будет голосованием страха.

Инга перевела взгляд на Ото.

— Можно показать устройство без запуска?

— Можно. Но от схемы замок быстрее не станет.

— Зато станет ясно, что мы отказываемся потратить.

Ото поднял с пола ключи.

— Десять минут. Потом собираю раму.

У двери машинного отсека собрались Мара, Сев, двое членов совета и начальница водорослевой фермы. Остальные смотрели по внутренней передаче. Инга сняла печать и потребовала, чтобы никто не переходил жёлтую полосу вокруг колыбелей.

Ото принёс из архива кассету КР-19-112. Две прозрачные пластины внутри были целы. На первой тонкая светлая линия спускалась к «Кромке» с севера. На второй путь подходил с запада и делал петлю у склона.

— Грузовая капсула, четыре года назад, — сказал Ото. — Оба пути были допустимы по воздуху, тяге, давлению и состоянию корпуса. Пилот выбрала северный. Западный отвергла, потому что на петле плохо отвечал левый винт.

Он показал край второй пластины. Там стояли время отклика, температура обмотки и короткая запись пилота.

— Почему путь считался допустимым, если винт отвечал плохо? — спросила начальница фермы.

— Допустимый не значит хороший. На одном винте капсула могла пройти петлю с запасом. Пилот решила не проверять расчёт на себе.

— Значит, машина хранит ошибку расчёта?

— Нет. Она хранит два движения одной капсулы, возможные в один момент. Одно совершилось, другое осталось в материале карты. Разница между ними удерживается, пока пластины составляют пару.

Ото положил кассету на ладонь и наклонил. Светлые линии внутри дрогнули навстречу друг другу, но не совпали.

— Представьте две пружины, — продолжил он. — Одну сжали по северному пути, вторую — по западному. Только металл здесь не движется. Напряжение держится в расположении прозрачных слоёв. «След» разрушает согласование пары. Материал стремится к одному состоянию и толкает светлый стержень машины. Стержень передаёт толчок опоре или капсуле.

— Энергия откуда? — спросил Сев.

— Её внесли при записи карты, когда оба пути промеряли и удержали как равно допустимые. Машина не получает даровой подъём. Верхняя платформа тратит больше энергии на создание пары, чем мы потом возвращаем. Пары возят вниз как запас, потому что электричество по кабелю на такую глубину теряется, а балласт дорог.

Лев подошёл ближе к жёлтой полосе.

— Почему нельзя записать два выдуманных пути на берегу?

— Потому что материал принимает только маршруты, которые приборы капсулы действительно могли исполнить в конкретной воде. Нужны давление, масса, тяга, течение и решение пилота. Если второго допустимого пути нет, слои не расходятся. Если оба пути прошли, пара тоже не держится: нет совершённого и отвергнутого.

— Значит, машина работает не на выборе человека, — сказала Инга.

— На физической разнице после выбора, — ответил Ото. — Пилот может бросить монету, посоветоваться с матерью или выбрать из-за винта. Машине всё равно, почему. Но людям не всё равно. Поэтому причину пишут на карте.

Он вставил КР-19-112 в учебное гнездо у стены. Оно читало пары, но не могло их разряжать. На экране появились два пути, наложенные на карту воды того дня. Северный шёл через ровный восходящий поток. Западный пересекал петлю и возвращался к той же точке.

Ото коснулся отметки винта. Экран показал запаздывание в одну десятую секунды, затем две, затем снова одну.

— Вот причина отказа. После разряда второй слой помутнеет. Линия останется в журнале как картинка, но эти измерения исчезнут. Мы будем знать, что западный путь существовал. Не сможем доказать, что пилот увидела задержку именно тогда.

— Почему измерения не копируют заранее? — спросила Мара.

Ото посмотрел на неё.

— Ты знаешь почему.

— Я хочу, чтобы услышали остальные.

— Потому что копия не доказывает связь с материалом. Числа можно переписать, заменить, неверно привязать ко времени. Внутри пары они удерживаются тем же физическим слоем, что и маршрут. После аварии это первичный источник. Снимок — уже чьё-то утверждение о нём.

Инга попросила Дану вывести на общий экран найденную карту Б КР-17-041.

— Там причина отказа тоже находится внутри слоя? — спросила она.

— Должна находиться, если карту не повредили.

— Но карта отделена от А.

— Поэтому она может потерять часть привязки. Или уже потеряла. Так пары не хранят.

— Можно соединить её с другой картой А?

Ото помрачнел.

— Если найдём родную. Чужая либо не войдёт в согласование, либо испортит обе. Я не стану пробовать на улике.

Начальница фермы указала на учебное гнездо.

— А эту пару можно потратить на замок?

— Можно дать короткий толчок на испытательную раму. Но после него причина отказа исчезнет.

— Четыре года назад груз пришёл нормально. Винт давно заменили. Какая нам теперь польза от причины?

Мара ответила раньше Ото.

— Если такой винт стоит ещё на десяти капсулах, польза есть.

— А если из-за вашей осторожности наша капсула не уйдёт, польза будет мёртвым.

— Не «вашей», — сказала Инга. — Решение о расходе архивной пары принимает совет после оценки её значения. Машина пока закрыта ещё и из-за неизвестной связи с нижней линией.

— Вы можете отключить кабель.

— Можем. Не знаем, что отключим вместе с ним.

— Опять незнание.

— Да.

Слово легло тяжело, без защиты. Лев заметил, что люди злились на Ингу сильнее именно тогда, когда она не давала им разоблачить ложь. Ложь позволила бы отбросить запрет вместе с человеком. Честная неизвестность оставалась после любого спора.

Ото вынул кассету из учебного гнезда.

— Есть способ показать разряд без запуска основной машины. В мастерской лежит выбракованная пара. Она слишком слаба для тяги, но слои ещё читаются.

Инга нахмурилась.

— Почему выбракованная пара не в списке?

— Потому что это учебный лом. Я на ней техников учу.

— Сейчас она станет частью решения. Принесите.

Пара КР-12-008 была треснута по углу. Её записали девять лет назад при коротком переходе грузовой тележки между верхними причалами. Один путь шёл вдоль фермы, другой огибал ремонтный кран. Причиной отказа значилась плохо закреплённая стрела крана.

Ото поставил на стол ручной разрядник размером с кружку.

— Толчка почти не будет. Положите пальцы на край стола.

Лев положил ладонь. Остальные сделали то же. Инга проверила номер кассеты, состояние трещины и запись об учебном списании. Только после этого разрешила Ото повернуть ключ.

Свет в первой пластине стал ярче. Во второй линия задрожала. На миг Лев почувствовал под ладонью направленное усилие — не удар и не вибрацию, а будто стол решил сдвинуться вверх, хотя ножки остались на полу.

Затем всё кончилось.

Вторая пластина помутнела от края к центру. Маршрут вокруг крана ещё виднелся, но цифры у стрелы расплылись. Ото вернул кассету в учебное гнездо. Экран нашёл совершённый путь. На месте второго появилась серая полоса без глубины, времени и показаний.

— Запись в архиве осталась, — сказал он. — «Плохо закреплённая стрела». Но доказать по карте, что стрела качнулась на восемь градусов и пересекла путь, уже нельзя.

— Мы только что уничтожили доказательство ради толчка, который ничего не поднял, — произнёс Сев.

— Доказательство было списано из-за трещины, — ответила Инга. — И мы зафиксировали его до разряда.

— Но уничтожили.

— Да.

Лев взял кассету. Мутная пластина была тёплой. Не горячей, как батарея после работы, а почти живой температурой ладони. На свету внутри оставалась бледная дуга. Человек, не видевший её прежде, мог поверить любой подписи рядом.

— Вот что сделали с прежними парами «Кромки», — сказал он.

Ото покачал головой.

— Не со всеми. Разряженные хранятся отдельно. Большинство причин скопировали до запуска.

— Скопировали, но лишили связи с картой.

— Иначе люди не поднялись бы.

— Я не говорю, что не надо было поднимать.

— Звучит именно так.

Ото забрал кассету из его рук.

— Археолог приходит после аварии и любит целые вещи. Мастер живёт до аварии и тратит целое, чтобы она не случилась.

— А потом археолог пытается понять, не потратили ли вместе с вещью предупреждение о следующей.

Они стояли по разные стороны жёлтой полосы. Лев знал цену своей правоты: она появлялась после того, как чужая работа уже стала слоем прошлого. Ото знал цену своей: каждое спасение могло оставить будущим людям меньше знания.

Мара разорвала молчание.

— Сколько толчка даст КР-19-112?

— Достаточно для испытания одного замка под полной нагрузкой, — ответил Ото. — Или примерно две сотых нужного подъёма капсулы.

— И причина отказа исчезнет.

— Да.

— Есть другие пары с уже скопированными причинами?

— Семь. Три нужны для аварийной тяги станции. Две связаны с незакрытыми случаями бокового сноса. Одна повреждена. Одна — эта.

— То есть выбор не между знанием и пустотой, — сказала Мара. — Между одним доказательством и проверкой замка.

— Ещё между запуском машины и неизвестной нижней связью, — напомнила Инга.

Лев посмотрел на пустую ячейку КР-17-041. Подменная пластина всё ещё отвечала шкафу, будто пара была на месте. Серый кабель уходил за стену. Если «След» запустить,

импульс мог пройти по этой линии к отделённой карте Б. Никто не знал, станет ли та частью разряда.

— Учебный разрядник можно подключить к испытательной раме? — спросил он.

Ото фыркнул.

— Для целой пары его разорвёт.

— А ограничить толчок?

— Тогда не получим рабочую нагрузку.

— Можно вынести одну колыбель из связи с общим шкафом?

Ото уже хотел отказать, но посмотрел на машину. Провёл пальцем по воздуху от кассетной полки к светлому стержню.

— Левая колыбель имеет ремонтный размыкатель. Его ставили, чтобы менять стержень без остановки учёта.

— Если поставить туда КР-19-112, нижняя линия получит импульс?

— Не должна.

Инга сразу остановила их.

— «Не должна» недостаточно. Нужна схема и измерение отделения.

— Схема есть, — сказал Ото. — Измерение займёт двадцать минут.

— Рама — полтора часа, — напомнила Мара.

— Если размыкатель исправен, собирать раму не надо. Подвесим плиту на штатный захват и дадим толчок через левую колыбель.

— Машина останется связана с опорой, — сказала Инга.

— Механически — да. Электрически отделим шкаф и правую колыбель. Толчок уйдёт в захват.

— Риск?

Ото перечислил без паузы:

— Размыкатель не использовали три года. Изоляция может пробить. Толчок может оказаться на пятнадцать процентов сильнее расчёта. Если захват перекосит, потеряем испытательную плиту. Людей в отсеке не будет.

— А данные КР-19-112 потеряем наверняка, — добавил Лев.

— Да.

Начальница фермы скрестила руки.

— Я голосую тратить.

— Совет ещё не голосует, — сказала Инга. — Сначала Ото подтверждает отделение. Мара говорит, примет ли одну проверку под полной нагрузкой вместо четырёх. Архив оценивает значение пары.

— Архив — это он? — женщина кивнула на Льва.

— Сейчас — он.

Все посмотрели на него. Несколько минут назад Лев держал тёплую мутную карту и злился на простоту уничтожения. Теперь от него ждали, что он назовёт одну причину менее ценной, чем восемь мест наверх.

— КР-19-112 содержит данные о задержке винта, — сказал он. — Если модель винта известна и другие случаи проверены, её потерю можно пережить. Но перед разрядом нужно снять полный оптический слепок и сверить серийный номер винта со всеми действующими капсулами. Копия не заменит карту. Она хотя бы сохранит вопрос.

— Сколько времени? — спросила Мара.

— Двадцать пять минут.

— Пятнадцать.

— За пятнадцать сниму слой. Не сверю винты.

Сев уже открыл реестр.

— Я сверю параллельно.

Мара кивнула.

— Если полная нагрузка даст не больше трёх десятых и повтор без нагрузки это подтвердит, я приму замок.

Инга записала условия. Не одобрила запуск и не запретила. Сначала Ото должен был доказать, что левая колыбель действительно отделена от серого кабеля.

Они разошлись по работам. Лев отнёс КР-19-112 в архив и поставил под сканирующий свет. Две линии одной капсулы легли на экран. Северный путь был совершён и потому казался главным. Западный оставался тоньше, но именно он хранил задержку винта.

Лев снимал слой за слоем: давление, качку, положение рулей, температуру обмотки. Каждое число пока держалось внутри материала. Через двадцать пять минут останется изображение, которому придётся верить по его подписи.

Сев работал рядом. Серийный номер винта принадлежал старой партии. На «Кромке» таких больше не было. Две грузовые базы наверху ещё использовали четыре штуки, но все прошли замену обмотки после похожих задержек.

— Значит, причина уже известна, — сказал Сев.

— Известна сейчас. Карта показывает, что она проявилась раньше первого официального случая.

— Это важно?

— Для даты предупреждения — да. Для нашего замка решай сам.

Сев посмотрел на снимок найденной карты Б.

— Если разряд пойдёт по нижней линии, что с ней станет?

— Возможно, помутнеет. Возможно, ничего. Возможно, ответит вторая половина.

— И тогда мы узнаем, где она.

— Ценой того, что не узнаем, почему путь отвергли.

— В журнале написано: боковой поток.

Лев указал на мутную КР-12-008.

— На ней тоже осталось написано про стрелу. Но восемь градусов уже существуют только в нашей записи.

Сев закрыл реестр.

— Понимаю. Просто не нравится.

— Мне тоже.

Через двадцать две минуты Ото сообщил: ремонтный размыкатель держит испытательное напряжение, общая шина и серый кабель отделены. Инга потребовала второй замер другим прибором. Он дал тот же результат.

Совет собрался прямо у машинного отсека. Семь человек проголосовали за расход КР-19-112 ради полной проверки замка, двое — за сборку рамы, один воздержался. Инга внесла в решение риск утраты первичного доказательства ранней неисправности винта и риск повреждения испытательной плиты. Лев приложил готовый слепок. Сев — список четырёх заменённых винтов.

Ото вставил кассету в левую колыбель.

В отсеке никого не осталось. Люди смотрели через толстое окно. Испытательная плита висела на третьем замке капсулы. Мара держала палец над командой сброса.

— Начинаем запись, — сказала Инга.

Ото повернул ключ «Следа» только на четверть. Светлый стержень дрогнул. В кассете две линии потянулись друг к другу.

Мара дала команду.

Толчок пришёл снизу. Плита на миг стала тяжелее для захвата, пружина сжалась, замок раскрылся. Серый прямоугольник упал в страховочную сетку.

На экране появилась задержка: две десятых секунды.

Мара не улыбнулась.

— Повтор без нагрузки.

Пока Ото возвращал плиту, Лев смотрел на кассету. Западная карта мутнела. Сначала исчезли мелкие ответвления, затем отметка винта, потом сама петля. Северная линия осталась ясной и одинокой, будто второго пути никогда не существовало.

В углу экрана нижняя линия не подала ни одного импульса. Отделение сработало.

Вторая проверка дала одну десятую.

— Замок принимаю, — сказала Мара. — После ещё одной проверки с загруженной капсулой.

До безопасного старта оставалось шесть часов сорок восемь минут.

Люди разошлись готовить места и груз. Ото вынул тёплую кассету. На её краю сохранилась подпись пилота, но за прозрачным слоем больше не было данных, к которым подпись относилась.

— Вот цена одного исправного замка, — сказал он.

Лев забрал кассету в архив.

— Нет. Цена одной проверки. Исправность ещё придётся подтвердить.

Ото устало кивнул.

— Поэтому я вас и не люблю, археолог.

— Потому что я порчу хорошие новости?

— Потому что после вас любая потраченная вещь остаётся потраченной.

Лев посмотрел на пустую ячейку КР-17-041. Где-то под ними её карта Б всё ещё была прозрачной. Внутри сохранялся западный путь и, возможно, причина, которую четыре слова в журнале делали слишком простой.

Сегодня «Кромка» уничтожила один отвергнутый маршрут, чтобы проверить дорогу наверх. Другой она пока сохранила, хотя тот тянул людей вниз.

Глава 6. Журнал Веры

Погрузку начали с вещей, которые никто не хотел называть прощальными.

К причалу несли аптечные ящики, сменные фильтры, образцы воды и личные сумки размером с подушку. На каждой сумке Мара мелом писала массу. Не имя, не должность, не причину, по которой владелец считал себя достойным места наверху, — только число. У стены росла очередь из одинаковых серых мешков, и всё же люди узнавали свои издали. Кто-то завязал ручку красной лентой. Кто-то вложил под стяжку детский рисунок. Один техник пришил к клапану металлическую пуговицу и теперь каждые пять минут проверял, не оторвалась ли она.

Лев сидел в архивной нише над столом, который вздрагивал при каждом ударе грузовой тележки о порог. Перед ним лежали два экрана. На левом шла запись длинной нижней линии за последние шесть лет. На правом — список груза, который Мара сокращала быстрее, чем люди успевали спорить.

Сто сорок килограммов.

После третьей проверки замка могло стать сто восемьдесят, но Мара не обещала. В списке уже были герметичный ящик с пробами, аварийная документация, медицинские записи и узел связи, который наверху собирались разобрать по винтам. Журнал Веры, если его найдут, весил меньше двух килограммов. Места для него всё равно не существовало, пока он оставался на сто восемьдесят метров ниже погребённого модуля.

Тележка снова ударилась о порог. На левом экране дрогнула тонкая полоса.

Лев остановил прокрутку.

Полоса исчезла. Он вернул запись на три секунды назад и увидел обычную россыпь помех: вибрация корпуса, работа насоса, короткий пакет нижнего датчика. Код живого груза появлялся в конце каждого сильного импульса и распадался на нули. Ничего нового.

Он пустил запись медленнее.

Между ударом тележки и ответом датчика лежал слабый двойной щелчок. Такой слабый, что программа приняла его за отражение от разъёма. Первый щелчок пришёл почти сразу. Второй — через две сотых секунды.

Лев снял наушники и приложил ладонь к столу. Очередная тележка прошла по коридору. Стол отозвался мелкой дрожью, затем где-то под полом щёлкнула труба.

Он снова надел наушники.

Двойной ответ повторился.

— Сев, — позвал Лев.

Гидролог стоял у грузового люка и помогал взвешивать баллоны с пробами. Он посмотрел на Мару. Та кивнула, но показала два пальца: две минуты, не больше.

Сев пришёл с переносным прибором под мышкой.

— Если это ещё один список винтов, я уйду в разлом добровольно.

— Послушай.

Лев дал ему наушник и прокрутил запись. Сев нахмурился.

— Отражение.

— От чего?

— От любого стыка. Длинная линия собрана из старых секций. Импульс идёт вниз, встречает плохой разъём, часть возвращается.

— Тогда почему два ответа?

— Два плохих разъёма.

— Первый появляется после каждого импульса. Второй — только после сильной вибрации станции.

Сев взял управление и наложил записи за последний час. Он выровнял их по пакетам нижнего датчика. Первый ответ получился почти прямой линией. Второй возникал клочьями: тележка, запуск насоса, удар испытательной плиты в сетку.

— Что было во время разряда пары? — спросил он.

— Нижняя линия была отделена.

— Механический толчок всё равно прошёл по опоре.

Они нашли минуту испытания. В момент, когда «След» разгрузил плиту, слабый ответ вытянулся в цепочку из семи импульсов. Не код живого груза. Не служебный пакет датчика. Семь коротких вспышек с разными промежутками.

Сев перестал шутить.

— Похоже на головку старого накопителя.

— На головку журнала, — сказал Лев.

— Я сказал «похоже».

— Вера носила ударный журнал «Ладья». В нём кристаллическая гребёнка при вибрации сама проходила по последней записи. Если батарея села, получался именно такой шум.

— У сотни приборов были гребёнки.

— У «Ладьи» семь дорожек.

Сев увеличил цепочку. Семь импульсов выглядели убедительно только потому, что Лев уже хотел увидеть семь. Между пятым и шестым лежала помеха от насоса; последнюю вспышку можно было принять за хвост датчика.

— Этого мало, — сказал Сев.

— Поэтому ты здесь.

Мара подошла сама, не дождавшись его возвращения.

— Две минуты кончились.

Лев показал ей цепочку.

— Возможно, личный журнал Веры отвечает на вибрацию.

Мара посмотрела на экран, затем на список груза.

— Возможно — это насколько?

— Пока никак.

— Тогда не задерживай Сева.

— Мне нужен один направленный удар в опору. Слабее испытания замка. И запись на двух концах линии.

— Машину не дадут.

— Машина не нужна. Пневматический ключ на креплении фермы даст достаточно.

— Ферму сейчас тянут.

— Один короткий удар между затяжками.

— Спроси Ингу.

В её голосе не было насмешки. После испытания замка никто уже не предлагал обойти инспектора ради нескольких минут. Честный запрет раздражал, но делал тайный поступок слишком похожим на попытку переложить риск.

Инга нашлась у капсулы. Она стояла на колене возле третьего замка и держала фонарь, пока Ото измерял зазор после загрузки первых ящиков. На полу рядом лежал щуп толщиной с ноготь.

Лев дождался, пока Ото запишет число.

— На длинной ветви есть слабый механический ответ, — сказал он. — Семь импульсов после сильной вибрации. Так могла отвечать гребёнка журнала Веры.

Инга поднялась.

— Или другой прибор.

— Или стык кабеля. Нужен проверочный удар известной силы и две точки записи.

— Что изменится, если вы подтвердите журнал?

— Мы узнаем, что искать.

— Нижний сектор останется закрыт.

— Да.

— Извлекать ничего нельзя.

— Пока нельзя.

Она заметила это «пока», но спорить о нём не стала.

— Удар может повредить ферму?

Ото выпрямился, потирая колено.

— Если использовать ключ на свободном креплении, нет. Но отклик разойдётся по всей опоре. Замок придётся проверять заново.

Мара медленно вдохнула.

— Сколько?

— Пять минут на замок. Десять, если зазор уйдёт.

До безопасного старта оставалось шесть часов двенадцать минут.

— Нет, — сказала Мара.

Лев посмотрел на неё.

— Даже если журнал там?

— Особенно если журнал там. За пять минут мы его не поднимем. А задержать живую капсулу ради подтверждения вещи — плохой обмен.

— Мы задержим не старт, а погрузку.

— Любая работа сейчас задерживает старт. Люди говорят иначе, потому что боятся выбирать.

Инга спросила Ото:

— Есть точка, не связанная с опорой капсулы?

— Наружный клапан старого водозабора. Он сидит на корпусе станции, но от фермы отделён мягкой вставкой.

— Доступ?

— Из насосной. Удар можно дать приводом клапана. Он штатно хлопает при проверке.

— Когда его проверяли последний раз?

— Вчера.

— Риск?

— Если хлопнуть один раз, никакого сверх обычной работы.

Инга повернулась к Льву.

— Такой удар годится?

— Если запишем его у клапана и на длинной линии. Нам нужна форма волны, а не сила.

— Сев участвует десять минут. Нижний сектор не открывается. Питание в кабель не подаётся. После проверки он возвращается к погрузке независимо от результата.

— Согласен.

— Вы говорите это слишком быстро.

— Потому что условия разумные.

— Потому что вам нужен первый шаг. Следующий вы назовёте таким же малым.

Лев не стал отрицать.

— Следующий будет зависеть от данных.

— И получит отдельное решение.

Они спустились в насосную. Здесь было теплее, чем в жилых отсеках, и пахло мокрым металлом. Толстые трубы проходили через стены, будто станцию собрали вокруг них. Старый водозабор давно не питал питьевую систему; через него брали воду для промывки внешних сеток. Привод клапана выглядел как короткое плечо с красной пяткой.

Ото закрепил на корпусе датчик удара. Сев подключил второй канал к серому кабелю в доступной коробке, не подавая на него напряжение. Лев поставил третий датчик на архивный стол: хотел отделить отклик корпуса от того, что шло по линии.

— Один хлопок, — сказала Инга. — Потом смотрим. Повтора без причины не будет.

Ото нажал кнопку.

Красная пятка ударила в упор.

По насосной прошёл короткий гул. В трубах будто перевернулся тяжёлый камень. На экране первый канал взлетел белой стеной и быстро опал. Архивный стол ответил через долю секунды более мягкой волной.

Серый кабель молчал дольше.

Потом на нём появились семь вспышек.

На этот раз их не закрывал насос. Семь коротких импульсов шли неравными шагами. Первый, третий и седьмой были сильнее остальных.

Лев почувствовал, как память подсовывает ему старую комнату: Вера сидит на полу шлюза, сушит перчатки над тёплым блоком и сердится, что «Ладья» снова проглотила конец записи. Она стучит по журналу костяшкой пальца. Семь дорожек отвечают ей светлыми чёрточками. Первая, третья, седьмая.

Он отодвинул воспоминание. Оно ничего не доказывало.

— Задержка, — сказал Сев.

Он измерил время между ударом и первой вспышкой.

— Туда и обратно по меди так долго не будет. Даже с плохими стыками. Это механика.

— Волна идёт по корпусу вниз, шевелит устройство, а ответ возвращается по кабелю, — сказал Лев.

— Возможно. Но устройство может быть рядом, а волна гулять по корпусу длинным путём.

Ото ткнул пальцем в первый канал.

— У нас есть датчик у первого модуля. Его собственный ответ пришёл раньше. Длинная ветвь уходит ниже.

— Насколько ниже? — спросила Инга.

Сев открыл схему кабеля.

— По длине — ещё сто восемьдесят метров от модуля. Но запас могли уложить петлёй.

— Значит, глубина не доказана.

— Нет.

— Принадлежность импульсов журналу Веры доказана?

Лев ответил прежде, чем желание успело сделать ответ удобным:

— Нет. Доказано устройство с семью механически читаемыми дорожками на длинной ветви. «Ладья» подходит. Другие приборы тоже могли иметь семь дорожек.

— Какие?

— Бортовые накопители старых капсул. Два вида сейсмических кассет. Медицинский регистратор первой экспедиции.

— У Веры был журнал этой модели?

— Был.

— Серийный номер известен?

— В отчёте о снаряжении.

Инга посмотрела на время.

— У вас осталось четыре минуты из десяти.

Они вернулись в архив. Лев нашёл опись первой экспедиции быстрее, чем ожидал, потому что открывал её сотни раз после аварии. Тогда список вещей был последним местом, где Вера оставалась живым членом команды, а не причиной разбирательства.

«Журнал индивидуальный ударостойкий ЛД-7 “Ладья”. Номер Г-441-19».

Рядом стояла отметка о выдаче кабеля аварийного съёма. Каждый журнал можно было соединить с общей линией, чтобы прочитать запись снаружи повреждённого модуля. Кабель имел собственную метку: три коротких импульса, пауза, один, пауза, три.

Лев замер.

Первый, третий и седьмой импульсы на экране были сильнее.

Три. Один. Три.

— Это метка кабеля, — сказал он.

Сев уже считал амплитуды.

— Не совсем. Группа не по времени, а по силе.

— Когда питание ниже нормы, паузы теряются. Гребёнка возвращается пружиной, и дорожки идут подряд. Метка остаётся в силе удара.

Он нашёл техническое описание. На схеме семь лепестков гребёнки действительно делились на группы три, один и три. Средний лепесток имел отдельный упор. Крайние группы соединялись общей пластиной.

— Другие «Ладьи» отвечали бы так же, — сказала Инга.

— Да.

— Серийный номер в ответе есть?

— Он записан глубже. Для чтения нужно питание.

— Питание подавать нельзя.

— Я помню.

Сев открыл перечень снаряжения всей экспедиции. Индивидуальных «Ладий» было четыре. Две подняли вместе со спасёнными членами смены. Одну нашли в разрушенном жилом отсеке, корпус раскололся. Четвёртая принадлежала Вере и числилась не найденной.

На станции оставался бортовой накопитель капсулы с семью дорожками. Его извлекли после аварии и отправили наверх. Обе сейсмические кассеты вернулись в грузовом контейнере. Медицинский регистратор нашли пустым, но целым.

— Значит, под модулем остался только один известный прибор с такой гребёнкой, — сказал Сев.

— Один известный, — поправила Инга. — За тридцать лет туда могли поставить другой.

Лев вспомнил свежий захват, белую отметку нового стандарта и шестилетний датчик. Кто-то уже работал у модуля и мог принести любой прибор.

Радость отступила, оставив более полезную вещь — точный вопрос.

— Можно сравнить старение кабеля, — сказал он. — У аварийного съёма была оловянная жила. У новой линии медь с углеродной оплёткой. Ответ гребёнки проходит через оба участка. На стыке частоты режутся по-разному.

— Без питания? — спросила Инга.

— Мы уже получили ответ. Достаточно сравнить его с образцами.

— Где образцы?

— В верхнем складе старых линий.

Ото покачал головой.

— Верхний склад заварили после течи.

— У меня есть кусок аварийного кабеля в наборе.

Лев открыл нижний ящик. Внутри лежали обрезки материалов, по которым он учил молодых техников отличать старый ремонт от нового: алюминиевый хомут, керамическая втулка, три вида оболочки. Кусок оловянной жилы был длиной с палец.

Сев посмотрел на часы.

— Моё время кончилось.

— Идите к погрузке, — сказала Инга.

Лев ожидал, что она закроет экран и заберёт запись. Вместо этого инспектор спросила Ото:

— Сколько займёт сравнение без Сева?

— Если археолог знает, как возбудить образец, пятнадцать минут. Если не знает — час и испорченный кабель.

— Знаю, — сказал Лев.

— Работа не затрагивает капсулу, ферму и нижний сектор?

— Нет.

— Тогда продолжайте вдвоём. Я останусь свидетелем.

— Вы могли просто разрешить.

— Могла. Но если результат станет доказательством, потом скажут, что вы выбрали удобную запись, а мастер подтвердил. Третий человек нужен не для запрета.

Ото усмехнулся.

— Не привыкайте, Арс. Она умеет быть полезной так, что всё равно хочется спорить.

Они закрепили обрезок в маленьком зажиме и ударили по нему пьезомолотком. Оловянная жила съела высокий край сигнала и оставила широкое плечо после четвёртой вспышки. Новая медь отвечала острее. Потом Ото соединил старый обрезок с куском современной линии. На стыке возникла маленькая впадина перед пятой дорожкой.

Такая же впадина была в ответе снизу.

Они повторили измерение трижды, меняя силу удара. Впадина оставалась. Её положение сдвигалось меньше, чем шум вокруг.

— Ответ проходит через старую оловянную жилу и новый кабель, — сказал Ото. — Или через материалы с теми же свойствами.

Инга записала формулировку дословно.

— Это подтверждает старое устройство на конце новой линии?

— Подтверждает старый участок перед новой линией или после неё. Порядок по одному ответу не различить.

Лев открыл схему аварийного модуля. При первой экспедиции общая линия заканчивалась у внешнего шлюза. Вера спустилась ниже с индивидуальным журналом, когда пошла проверять опору. Если она успела присоединить аварийный кабель к скобе на костюме, журнал мог остаться внизу и спустя двадцать четыре года быть подключён к новой линии.

— Тот, кто поставил датчик шесть лет назад, нашёл журнал, — сказал он. — Не поднял, а протянул к нему кабель.

— Это вывод, — сказала Инга. — Не измерение.

— Вы знаете более простое объяснение?

— Да. Шесть лет назад кто-то установил новый датчик, использовав старый кабель от неизвестного оборудования. Семидорожечный ответ приходит от самого оборудования или от другого предмета на той же ветви.

— Ваше объяснение требует неизвестного оборудования.

— Ваше требует журнала конкретного человека. Оба содержат неизвестное.

Лев хотел ответить резко, но посмотрел на записи. Она не отнимала у него Веру. Она не давала подменить имя формой сигнала.

— Тогда что доказано? — спросил он.

Инга перечислила:

— На длинной ветви находится механически читаемое устройство с семью дорожками. Ответ проходит через материал, сходный со старой оловянной жилой и новым кабелем. Среди учтённого снаряжения первой экспедиции единственный не найденный прибор с подходящей гребёнкой — журнал Веры Арс…

— Веры Нол, — поправил Лев.

Инга остановилась.

— Веры Нол. Принадлежность не подтверждена серийным номером. Для подтверждения нужно питание или извлечение. Оба действия сейчас запрещены.

Лев кивнул.

Ему впервые стало легче от слова «запрещены». Не навсегда. Не потому, что журнал ничего не значил. Потому что между находкой и его желанием теперь стояла точная граница.

Из коридора донёсся голос Мары:

— Загруженная проверка через три минуты!

Ото собрал приборы.

— Если замок не примет вес, ваш журнал останется здесь вместе со всеми нами.

— Он и так останется, — сказал Лев.

— Сегодня — да.

Инга сняла карту памяти с измерителя, запечатала в прозрачный пакет и сделала две копии. Одну отдала Льву, вторую положила в инспекторский ящик. Исходную запись оставила на станции.

— Зачем три? — спросил он.

— Чтобы ни у кого не было единственной правды.

— Но первичный сигнал всё равно внизу.

— Поэтому копии — только указатели к нему.

Они вернулись к причалу. Капсула стояла на ферме, придавленная грузом и людьми, которые пока сидели в ней вместо будущих пассажиров. Для проверки набрали ту же массу мешками с водой. Мара заперла люк снаружи и отошла к пульту. Ото лёг на пол у третьего замка, чтобы видеть ход пружины через защитное окно.

Команда сброса прошла.

Первый замок открылся сразу. Второй — почти вместе с ним. Третий задержался.

Лев успел услышать, как Мара втянула воздух.

Пружина дожалась, захват отпустил учебную плиту. На экране возникло число: три десятых секунды.

Предельное значение.

Мара повторила проверку датчиков, но не команду. Ещё одного полного сброса без подъёма конструкция не позволяла: плиту теперь нужно было возвращать краном.

— Принимаю условно, — сказала она. — Старт только при ручном дублёре у третьего замка.

— Кто пойдёт к дублёру? — спросил Ото.

— Я.

— Пилот должна быть в кресле.

— Тогда ты.

Ото посмотрел на ферму. Ручной дублёр находился в нише рядом с плитой. Во время старта вода хлынет туда первой, как только капсула отойдёт от станции.

— Успею закрыть заслонку, — сказал он.

Инга записала новый риск. Никакого торжества после успешной проверки не было. Замок не стал исправным; у него появился человек, обязанный вовремя дёрнуть рычаг.

Лев посмотрел на список груза. Мара вернула предел в сто восемьдесят килограммов, затем сразу вычла двенадцать на страховочный привод и баллон Ото. Свободного места стало меньше, хотя проверка прошла.

— Журнал весит меньше двух, — сказал Лев тихо.

Мара услышала.

— До него сто восемьдесят метров вниз.

— По длине кабеля. Не по глубине.

— Тем более.

Она провела черту под грузовым списком.

— Я поставлю его первым запасным предметом после медицинских записей. Если он окажется у шлюза до закрытия люка, возьму. За ним не пойдём.

Это было почти бессмысленное обещание. Журнал не мог сам подняться к шлюзу. Лев всё равно попросил:

— Напиши не «журнал Веры». Напиши «устройство ЛД-7, номер не подтверждён».

Мара взглянула на него и исправила строку.

До безопасного старта оставалось пять часов тридцать одна минута.

Лев вернулся в архив и вывел семь импульсов на отдельный экран. Он не стал включать звук. В тишине было проще видеть то, что действительно находилось перед ним: три сильных вспышки, одна в середине, три в конце; след старой жилы; новый кабель; отсутствие серийного номера.

Вера не подала ему знак. Мёртвые не выбирали момент, когда по станции проедет тележка. Старый прибор всего лишь ответил на удар так, как его когда-то заставили отвечать инженеры.

Но кто-то шесть лет назад нашёл этот ответ в темноте, протянул к нему линию и спрятал её за машиной «След».

Лев создал карточку находки и оставил поле владельца пустым.

В графе «место» написал: «Длинная ветвь ниже аварийного модуля; точная глубина не установлена».

В графе «состояние»: «Механический ответ есть. Чтение без питания невозможно».

В графе «следующее допустимое действие» он сначала набрал: «Подать малый ток через ограничитель».

Потом удалил строку.

Запрет Инги был не помехой, которую следовало красиво обойти. Пока питание могло разрядить карту КР-17-041 или испортить первичную запись журнала, допустимого малого тока не существовало.

Он написал иначе: «Определить разводку длинной ветви по пассивному отклику. Питание не подавать».

За стеной снова покатилась тележка. Семь дорожек ответили на экране.

Теперь Лев знал, что слышит не голос Веры.

И всё же впервые за двадцать четыре года у него было доказательство: внизу сохранилось нечто, что всё ещё можно прочитать, если не уничтожить его ради дороги наверх.

Глава 7. Цена балласта

Ферма сдвинулась на ширину ногтя.

Этого хватило, чтобы Мара остановила погрузку.

Она заметила смещение не по прибору. На жёлтой краске у основания опоры появилась чёрная полоска, которой утром не было. Под нагрузкой капсулы старая лапа продавила мягкую прокладку и поползла к краю направляющей. Пока все смотрели на третий замок, вся ферма чуть повернулась вслед за течением.

— Людей из капсулы, — сказала Мара. — Груз оставить. Ото, метки на четыре лапы.

Никто не спросил, опасно ли. Люди вылезали через люк по одному, быстро и без толчков. Ото лёг у первой лапы, поставил иглу измерителя на край чёрной полосы и выругался себе под нос.

— Два и восемь миллиметра.

— За какой срок? — спросила Инга.

— Не знаю. Утром было чисто. После испытания плиты тоже, кажется.

— «Кажется» не записываем.

— Тогда от утра до сейчас.

Лев стоял у стены, держа пакет с копией семи импульсов. Несколько минут назад главной находкой на станции был возможный журнал Веры. Теперь экран над причалом показывал четыре красные точки под капсулой, и прошлое снова уступило место вещи, которая могла упасть сегодня.

Сев принёс данные внешних датчиков. Боковое течение усиливалось неравномерно. Вода шла вдоль уступа, ударяла в выступ разлома и возвращалась короткими толчками. Обычный измеритель усреднял их за минуту и показывал допустимую скорость. На графике по секундам были видны пики почти вдвое выше.

— Почему мы их не видели? — спросила Мара.

— Видели, — ответил Сев. — Они ниже порога тревоги по длительности.

— Ферме всё равно, сколько длится толчок.

— Программе не всё равно. Тревога рассчитана на капсулу в воде, не на загруженную капсулу в захватах.

Ото проверил остальные лапы. Вторая сдвинулась на восемь десятых, третья осталась на месте, четвёртая ушла наружу на полтора миллиметра. Ферма не ехала целиком. Она поворачивалась вокруг третьей опоры.

— Если первая дойдёт ещё на девять миллиметров, край прокладки выйдет из башмака, — сказал Ото. — Потом нагрузка ляжет на металл. Лапу может сколоть.

— Сколько времени? — спросила Инга.

— При среднем течении — часы. При следующем пике — не знаю.

Мара посмотрела на часы старта.

— Капсулу можно разгрузить и снять с фермы?

— Можно. Вернуть и заново свести замки — минимум три часа.

— У нас пять.

— Если ничего не заест.

— Значит, четыре с половиной.

— Если заест — не стартуем вообще.

У причала собрались люди, которых только что вывели из капсулы. Они старались не подходить близко, но никто не ушёл. Восемь будущих мест стали видимыми именно тогда, когда оказались пустыми.

— Подтянуть ферму лебёдкой, — предложил начальник смены.

Ото покачал головой.

— Лебёдка тянет верх. Лапы под нагрузкой не вернутся, только перекосим раму.

— Разгрузить часть веса.

— Людей уже сняли. Остаётся груз и сама капсула.

— Сбросить учебную плиту окончательно.

— Она уже в сетке и на ферму не давит.

Сев открыл схему опоры. Под первой и четвёртой лапами проходила поперечная балка. Если дать ей короткий толчок вверх и одновременно выбрать лебёдкой слабину, башмаки могли вернуться на середину прокладок. Такой толчок не требовал подъёма всей капсулы — только снятия части веса на две секунды.

— «След», — сказала Мара.

Слово прозвучало не как название машины, а как название уже известной цены.

Инга не ответила сразу.

— Сначала другие способы.

— Другой способ — снять капсулу, — сказал Ото. — Или домкраты под водой.

— Домкраты есть?

— Два. Нужны четыре, и ставить их придётся снаружи под загруженной фермой.

— Можно переставлять по одному?

— При таком течении — если хотите потерять водолаза.

Инга попросила перечислить все доступные пары «Следа» и их назначение.

Ото вывел список. Три кассеты держали в аварийном запасе станции. Их нельзя было тратить без угрозы корпусу или жилым отсекам. Повреждённая пара давала слишком слабый и непредсказуемый толчок. Две относились к незакрытым случаям бокового сноса. Последняя, КР-21-066, была грузовой: совершённый маршрут шёл у восточной стены разлома, отвергнутый — через середину потока.

— Почему отказались от середины? — спросила Мара.

Ото прочитал подпись:

— «Краткий боковой удар, источник не установлен».

Сев увеличил дату.

— Это было два года назад, в тот же сезон течений.

— Данные внутри? — спросил Лев.

— Пара не разряжена, — ответил Ото. — Значит, внутри.

— Тогда она может показать такие же короткие пики, какие сейчас двигают ферму.

Начальник смены ударил ладонью по перилам.

— И может прямо сейчас не дать капсуле упасть.

— Одно не отменяет другое, — сказал Лев.

— Отменяет, если после вашего изучения ферма уйдёт за край.

Инга встала между ними не телом, а вопросом:

— Сколько времени нужно, чтобы прочитать первичные данные без расхода?

— Двадцать минут на полный слой, — сказал Лев. — Десять на течение и тягу.

— Сколько до опасного смещения?

Ото взглянул на чёрную полоску.

— Этого никто не знает.

Будто отвечая ему, корпус станции дрогнул. Не сильно. В стакане у пульта вода поднялась с одного края. Первая красная точка на экране поползла и остановилась.

Три и четыре миллиметра.

За один толчок ферма прошла шесть десятых.

— Десяти минут нет, — сказала Мара.

Лев подошёл к кассетному шкафу. КР-21-066 лежала в прозрачном гнезде. Две линии внутри были хорошо видны: восточная изгибалась вдоль стены, средняя шла почти прямо. На отвергнутой карте стояли мелкие отметки датчиков. Именно в них мог находиться рисунок короткого бокового удара, который старые пороги тревоги не считали опасным.

— Можно снять только участок пика, — сказал он. — Три минуты.

— За три минуты ферма может сдвинуться ещё на два, — ответила Мара.

— А может не сдвинуться совсем.

— Поэтому ты предлагаешь поставить на это восемь мест?

Лев посмотрел на людей у стены. Среди них был Сев, хотя его место ещё никто официально не назначил. Была женщина из медицинской смены, прижимавшая к груди плоский ящик. Был связист, который утром смеялся над весом собственной сумки, а теперь оставил её в жилом отсеке. Они не просили Льва спасти карту. Они ждали решения, после которого ферма либо выдержит, либо нет.

— Я предлагаю не повторять аварию, причина которой лежит у нас в руках, — сказал он.

— А я предлагаю не устроить новую, пока мы читаем старую.

Мара говорила ровно, но пальцы у неё были белыми от пульта.

Инга спросила:

— Можно начать разряд после трёх минут чтения без дополнительной подготовки?

Ото задумался.

— Если сейчас поставить кассету в левую колыбель и вывести захват на балку, чтение пойдёт уже в машине. Лев снимет слой через её окно. По команде я дам толчок.

— Нижняя линия останется отделена?

— Ремонтный размыкатель ещё открыт. Да.

— Сколько времени на установку?

— Полторы минуты.

— Значит, подготовка всё равно нужна. Лев получает эти полторы минуты и ещё девяносто секунд после установки. На третьей минуте запускаем, если ферма не пересечёт аварийную метку раньше.

— За девяносто секунд я сниму только скорость воды и положение рулей.

— Вы сами назвали три минуты.

— Для участка пика, а не для всей причины.

— Тогда выбирайте, какие данные важнее.

Жестокость Инги была именно такой: она не запрещала ему спасать знание, но заставляла назвать, какую его часть он бросит.

Ото понёс кассету к машине. Лев установил оптическую головку над окном левой колыбели. Сев встал рядом с внешними датчиками, чтобы сразу сравнивать старую воду с нынешней. Мара перевела захват с испытательной плиты на поперечную балку фермы. Лебёдка выбрала слабину и натянулась до допустимого усилия.

— Подготовка пошла, — сказала Инга.

КР-21-066 вошла в гнездо. Лев увидел два маршрута крупнее. Он отбросил температуру двигателей, массу груза, расход энергии и журнал переговоров. Оставил давление воды, боковую скорость и положение рулей.

На отвергнутом маршруте поток сначала шёл ровно. Затем за одну секунду скорость меняла направление на двенадцать градусов, возвращалась и через четыре секунды била снова. Не один удар. Два.

— Сев, смотри двойной пик.

— Вижу. Сейчас тоже есть пары, но промежуток плавает от трёх до шести секунд.

— Источник?

— Отражение от выступа. Скорее всего.

— Сохрани форму.

Прошла минута. Первая лапа стояла на трёх и четырёх.

Лев добавил тягу капсулы. На втором старом пике пилот дала короткий импульс вправо, хотя боковой поток уже возвращался. Капсула сама усилила снос.

— Причина не только в воде, — сказал он. — Пилот исправляла первый удар и попала тягой во второй.

— Это важно для фермы? — спросила Инга.

— Для фермы нет. Для нынешнего старта — да. Мара должна не отвечать на первый пик до второго.

— Я услышала, — сказала Мара.

Оставалось сорок секунд. Лев попытался открыть данные о положении выступа на дне. Именно они могли показать, почему отражение возникало в одном сезоне и исчезало в другом. Слой загружался медленно: карта держала рельеф в более глубокой записи.

На экране опор первая красная точка прыгнула.

Четыре и одна.

— Аварийная метка через семь и девять, — сказал Ото.

— Продолжаем до трёх минут, — решила Инга.

Лев видел первые линии рельефа. Выступ имел не один край, а два. Между ними лежал карман ила. Если карман опустел, отражённая волна стала бы сильнее. Если заполнился — слабее. Он выбрал участок и запустил сохранение.

Десять секунд.

Пять.

На четвёртой секунде станцию толкнуло. Лебёдка застонала. Первая лапа прошла до пяти целых, четвёртая — до двух и двух.

— Запуск, — сказала Инга.

— Ещё две секунды!

— Запуск сейчас.

Ото повернул ключ.

Светлый стержень «Следа» пошёл вверх. Захват под поперечной балкой принял толчок. Ферма не поднялась целиком; её передний край на мгновение стал легче. Мара выбрала лебёдкой два сантиметра.

Первая лапа скользнула по прокладке назад.

В кассете средний маршрут мутнел. Лев увидел, как исчезает второй боковой пик. Следом поплыла линия тяги пилота. Сохранение рельефа остановилось на девяноста восьми процентах.

— Держу, — сказала Мара.

— Толчок заканчивается, — предупредил Ото.

— Ещё пять миллиметров.

— Не дам. Балка уйдёт выше башмака.

— Три.

— Два.

Мара выбрала два. Ото сбросил ключ.

Ферма опустилась на прокладки. Красные точки качнулись и замерли.

Первая лапа: один и одна десятая миллиметра от утренней метки. Вторая: четыре десятых. Третья не сдвинулась. Четвёртая вернулась почти точно на место.

Никто не заговорил, пока Ото не проверил каждую лапу щупом.

— Сидит всей площадью, — сказал он. — Перекоса нет.

Люди у стены выдохнули не вместе, а волной. Кто-то сел прямо на пол. Мара не отходила от пульта.

— Ставим механические упоры, — сказала она. — По два на каждую лапу. И меняем тревогу: любой парный пик выше сегодняшней половины — ручное удержание тяги.

Сев уже правил порог.

Лев смотрел на оптический файл. Девяносто восемь процентов выглядели почти как целое. Не хватало последних строк рельефа и контрольной суммы — числа, по которому можно доказать, что слой снят без пропусков. Картина двойного удара сохранилась. Положение рулей сохранилось. Карман ила — частично.

КР-21-066 больше не могла подтвердить ни одно из этих чисел. Отвергнутый маршрут оставался мутной тенью.

— Мы получили главное, — сказал Сев, заглянув через плечо. — Двойной пик и ошибку тяги.

— Получили копию главного.

— Для старта её хватит.

— Да.

Сев ждал продолжения, но Лев не стал делать вид, что этого недостаточно. Копия могла спасти капсулу через несколько часов. Уничтоженная связь с материалом могла понадобиться расследованию через год. Оба утверждения были правдой.

Инга подошла к шкафу и сверила номер разряженной кассеты.

— Записываю: КР-21-066 израсходована для возвращения загруженной фермы в опорные башмаки. До разряда сохранены давление воды, боковая скорость, положение рулей и неполный слой рельефа. Первичная проверяемость утрачена.

Начальник смены нахмурился.

— «Утрачена» звучит так, будто мы сделали ошибку.

— Это описание состояния.

— Ферма могла сорваться.

— Поэтому я также записываю предотвращённое смещение и восемь сохраняемых мест.

— Тогда напишите сначала про людей.

— Порядок строк ничего не изменит.

— Изменит то, как наверху это прочитают.

Инга посмотрела на него.

— Наверху должны прочитать оба факта, а не получить нужное чувство первым.

— Вам легко. Вы не живёте здесь.

— Поэтому я не имею права скрыть цену решения, которое унесу отсюда в отчёте.

— Если унесёте.

Инга не ответила. Её место в капсуле тоже ещё не было решено.

Ото вынул КР-21-066. Вторая карта была тёплой и серой. Он передал её Льву без прежней усмешки.

— Теперь можете испортить хорошие новости.

— Ферма стоит. Это хорошая новость.

— А плохая?

— Мы только что узнали, что старый порог тревоги пропускал опасные двойные удары. И уничтожили единственный первичный случай, где пилот ответила на такой удар неправильно.

— Но успели снять.

— Не всё.

— Мы никогда не успеваем всё.

Ото говорил без раздражения. Он держал пустую колыбель одной рукой, будто после толчка та ещё могла качнуться.

— Вы, археологи, считаете потерей каждую непрочитанную строку. Мы считаем потерей каждую железку, которая падает на человека. Поэтому машина стоит у меня, а архив у вас.

— А решение принял совет.

— Вот это и есть единственная разумная часть устройства «Кромки».

Механические упоры делали из коротких стальных клиньев. Чтобы поставить их, капсулу больше не требовалось двигать. Техники ползали под фермой по страховочным настилам, забивали клинья ручными молотками и отмечали краской. Каждый удар отзывался на длинной нижней ветви.

Семь импульсов журнала появлялись рядом с работой, но теперь Лев не вскакивал на каждый ответ. Он знал источник и границу знания. Устройство внизу выдержало толчок «Следа», потому что ремонтный размыкатель отделял его электрически. Механическая волна дошла до него, но не стёрла запись.

— Слабый ответ стал сильнее, — заметил Сев.

Лев сравнил амплитуду. После смещения фермы семь дорожек действительно отвечали яснее.

— Изменилось натяжение кабеля.

— Значит, по отклику можно определить его путь.

— Пассивно, как записано.

— После старта?

— Если останемся.

Сев помолчал.

— Вы всё время говорите так, будто останетесь точно.

— У меня нет места.

— У меня тоже нет.

— У тебя есть причина подняться. Данные о течении нужны наверху.

— Данные можно отправить.

— Без человека их назовут неполной копией.

Сев кивнул на мутную КР-21-066.

— А с человеком перестанут?

— Нет. Но человек сможет сказать, чего в копии нет.

— Вы сможете сказать лучше.

Лев понял, куда идёт разговор.

— Не начинай распределять места между нами.

— Все уже распределяют. Просто кто-то молча.

— Тогда говори о работе. Твоя работа сейчас — переписать пороги на всех базах, где стоят такие фермы.

— А ваша — найти журнал Веры.

— Моя работа — не дать ему стать важнее живых людей.

Сев посмотрел на список пассажиров, всё ещё пустой.

— Удобная работа. Никогда не кончается.

Он ушёл к внешним датчикам.

Лев отнёс кассету в архив. На полке рядом лежали КР-12-008 и КР-19-112 — две уже потраченные пары. Первая доказала устройство машины. Вторая проверила замок. Третья вернула ферму на место. Каждая дала конкретный толчок, и после каждой становилось труднее доказать, что именно люди когда-то увидели на отвергнутом пути.

Он приложил к КР-21-066 копию данных и отдельно отметил отсутствие контрольной суммы. Потом открыл реестр действующих баз. Семь грузовых ферм использовали тот же порог тревоги по длительности. Две стояли в похожих разломах. Если отправить им форму двойного пика сейчас, они могли изменить настройки до следующей смены течений.

Лев вызвал Ингу.

— Данные надо передать наверх немедленно, не ждать капсулу.

— Канал занят прогнозом старта.

— Файл маленький.

— Проблема не в размере. Верхняя платформа принимает один подтверждённый пакет за окно. Если вставить наш, прогноз придёт позже на одиннадцать минут.

— Двойные пики могут быть на других базах.

— Могут. А прогноз нужен нашей капсуле точно.

— Можно передать предупреждение без слоя, одной строкой.

— Непроверенное предупреждение вызовет остановку ферм.

— Лучше остановить, чем пропустить сдвиг.

— На одной из них сейчас может идти аварийная разгрузка. Остановка тоже способна причинить вред.

Снова не существовало бесплатной передачи правды. Даже короткая строка занимала чьё-то окно и меняла чужую работу.

— Тогда приложим к запросу прогноза, — сказал Лев. — Заголовок и форму пика. Полный файл уйдёт следующим пакетом.

Инга проверила размер служебной части.

— Заголовок поместится. Форма — нет.

— Заголовок: «Опасный двойной боковой удар ниже порога длительности. Не отвечать тягой на первый пик до проверки второго».

— Это уже указание пилотам на основании одной неполной копии.

— Тогда: «Обнаружен двойной боковой удар ниже порога длительности; данные КР-21-066 скопированы до аварийного расхода, первичная проверка утрачена. Запросить файл».

Инга перечитала.

— Так отправим.

Она не смягчила формулировку и не добавила, что кассету потратили ради восьми людей. Для пилота другой базы это было неважно. Ему требовалось знать, насколько можно доверять предупреждению.

Мара закончила проверку упоров. Ферма выдержала ещё два пика и не сдвинулась. Погрузку возобновили, но теперь каждый мешок несли медленнее, следя за красными точками.

В грузовой список вернули часть образцов. Устройство ЛД-7 оставалось первой запасной строкой. Рядом Мара поставила знак вопроса, а не крест.

— До старта четыре часа сорок три минуты, — объявила она. — Через сорок минут закрываю груз. Потом только люди.

Лев взглянул на длинную ветвь. Семь дорожек снова ответили на удар клина.

КР-21-066 больше не хранила причину старого бокового сноса. Зато её исчезнувший маршрут на две секунды стал настоящим усилием под фермой и вернул капсулу на опоры. Цена балласта оказалась не в массе, которую сбросят в разлом. Она была в вопросе, который уже нельзя будет задать исходной карте.

Лев сохранил неполный файл в трёх местах и написал над ним крупно: «КОПИЯ. ДВА ПРОЦЕНТА СЛОЯ НЕ СОХРАНЕНЫ».

Потом вернулся к погрузке.

Сегодня прошлое уже заплатило за дорогу наверх. Теперь предстояло решить, кто этой дорогой воспользуется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.